

Министерство культуры и туризма Свердловской области
ГКУК СО «Свердловская областная межнациональная библиотека»

ДАЙДЖЕСТ



Екатеринбург, 2012

БК 83.3

P89

Редакционная коллегия:

Автух Ф. Р.

Колосов Е. С.

Кузнецова Е. Н.

Лебедева Т. В.

Шурманова Т. В.

Русское зарубежье : дайджест / сост. Т. В. Шурманова; Свердлов. обл. межнац. б-ка. – Екатеринбург: СОМБ, 2012. – 60 с.

Ответственный за выпуск: Ф. Р. Автух

Содержание

| | |
|---|----|
| Вступительное слово..... | 4 |
| Судьба эмигрантов первой волны..... | 5 |
| • старшее поколение писателей-эмигрантов..... | 7 |
| • младшее поколение писателей в эмиграции..... | 9 |
| • центры рассеяния..... | 12 |
| • литературно-общественные издания русской эмиграции..... | 16 |
| Иван Бунин..... | 25 |
| Александр Куприн..... | 30 |
| Марина Цветаева..... | 34 |
| Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский..... | 40 |
| Константин Бальмонт..... | 48 |
| Владимир Набоков..... | 53 |

Вступительное слово

Литература русского зарубежья – это ветвь русской литературы, возникшая после большевистского переворота 1917 года.

Различают три периода или три волны русской эмигрантской литературы. Первая волна – с 1918 года до начала второй мировой войны и оккупации Парижа – носила массовый характер. Вторая волна возникла в конце Второй мировой войны (за рубеж уехали И. Елагин, Д. Кленовский, Л. Ржевский, Н. Моршен, Б. Филипов и др.). Третья волна началась после хрущевской «оттепели» и вынесла за пределы России крупнейших писателей (А. Солженицын, И. Бродский, С. Довлатов).

За годы своего существования, без территории, без защиты, часто без прав, неоднократно теряя свои материальные накопления, русская эмиграция первой волны дала миру трех нобелевских лауреатов (литература – И. А. Бунин, экономика – В. В. Леонтьев и химия – И. Р. Пригожин); выдающихся деятелей искусства – Шаляпин, Рахманинов, Кандинский, Стравинский, Князев; плеяду известных учёных и технологов – Сикорский, Зворыкин, Ипатьев, Кистяковский, Фёдоров; целую эпоху в русской литературе; несколько философских и богословских школ.

Наибольшее культурное и литературное значение имеет творчество писателей первой волны русской эмиграции.

Судьба эмигрантов первой волны (1918-1940)

Положение русской литературы в изгнании. Понятие «русское зарубежье» возникло и оформилось после октябрьского переворота, когда Россию массово начали покидать беженцы. Эмиграция существовала и в царской России (так первым русским писателем-эмигрантом считают Андрея Курбского, жившего в XVI веке), но не носила такого масштабного характера. После 1917-го из России выехало около двух миллионов человек. В центрах рассеяния - Берлине, Париже, Харбине - была сформирована «Россия в миниатюре», сохранившая все черты русского общества.

За рубежом выходили русские газеты и журналы, были открыты школы и университеты, действовала Русская Православная Церковь. Но, несмотря на сохранение первой волной эмиграции всех особенностей русского дореволюционного общества, положение беженцев было трагическим: в прошлом – потеря родины, социального статуса, родственников, оставшихся в России, рухнувший в небытие уклад, в настоящем - жестокая необходимость вживаться в чуждую действительность. Надежда на скорое возвращение не оправдалась, к середине 20-х годов стало очевидно, что России не вернуть и в Россию не вернуться. Боль ностальгии сопровождалась необходимостью тяжелого физического труда, бытовой неустроенностью: большинство эмигрантов было вынуждено завербоваться на заводы «Рено» или, что считалось более привилегированным, освоить профессию таксиста.

Россию покинул цвет русской интеллигенции. Больше половины философов, писателей, художников были высланы из страны или эмигрировали на всю жизнь. За пределами родины оказались религиозные философы Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Николай Лосский, Лев Шестов, Лев Карсавин. Эмигрантами стали певец Федор Шаляпин, художники Илья Репин и Константин Коровин, известные актеры Михаил Чехов и Иван Мозжухин, звезды балета Анна Павлова, Вацлав Нижинский, композиторы Сергей Рахманинов и Игорь Стравинский.

Из числа известных писателей эмигрировали: Иван Бунин, Иван Шмелев, Аркадий Аверченко, Константин Бальмонт, Зинаида Гиппиус, Аминодав Шполянский (псевдоним - Дон-Аминадо), Борис Зайцев, Александр Куприн, Алексей Ремизов, Игорь Северянин, Алексей Толстой, Надежда Лохвицкая (псевдоним - Тэффи), Иван Шмелев, Александр Гликберг (псевдоним - Саша Черный). Выехали за границу и молодые литераторы: Марина Цветаева, Марк Алданов, Георгий Адамович, Георгий Иванов, Владислав Ходасевич. Русская литература, откликнувшаяся на события революции и гражданской войны,

запечатлевшая рухнувший в небытие дореволюционный уклад, оказалась в эмиграции одним из духовных оплотов нации. Национальным праздником русской эмиграции стал день рождения Пушкина.

В то же время, в эмиграции литература была поставлена в неблагоприятные условия: отсутствие читателей, крушение социально-психологических устоев, бесприютность, нужда большинства писателей должны были неизбежно подорвать силы русской культуры. Но этого не произошло: с 1927-ом начинается расцвет русской зарубежной литературы, на русском языке создаются великие произведения. В 1930 Бунин писал: «Упадка за последнее десятилетие, на мой взгляд, не произошло. Из видных писателей, как зарубежных, так и “советских”, ни один, кажется, не утратил своего таланта, напротив, почти все окрепли, выросли. А, кроме того, здесь, за рубежом, появилось и несколько новых талантов, бесспорных по своим художественным качествам и весьма интересных в смысле влияния на них современности».

Утратив близких, родину, всякую опору в бытии, поддержку где бы то ни было, изгнанники из России получили взамен право творческой свободы - возможность говорить, писать, публиковать созданное без оглядки на тоталитарный режим, политическую цензуру. Это, однако, не свело литературный процесс к идеологическим спорам. Атмосферу эмигрантской литературы определяла не политическая или гражданская неподотчетность спасшихся от террора писателей, а многообразие свободных творческих поисков.

В новых непривычных условиях писатели сохранили не только политическую, но и внутреннюю свободу, творческое богатство в противостоянии горьким реалиям эмигрантского существования.

Развитие русской литературы в изгнании шло по разным направлениям: писатели старшего поколения исповедовали позицию «сохранения заветов», самоценность трагического опыта эмиграции признавалась младшим поколением (поэзия Г. Иванова, «парижской ноты»), появились писатели, ориентированные на западную традицию (В. Набоков, Г. Газданов). «Мы не в изгнании, мы в посланьи», - формулировал «мессианскую» позицию «старших» Мережковский. «Отдать себе отчет в том, что в России или в эмиграции, в Берлине или на Монпарнасе, человеческая жизнь продолжается, жизнь с большой буквы, по-западному, с искренним уважением к ней, как средоточию всего содержания, всей глубины жизни вообще», - такой представлялась задача литератора писателю младшего поколения Б. Поплавскому. «Следует ли напоминать еще один раз, что культура и искусство суть понятия динамические», - подвергал сомнению ностальгическую традицию Г. Газданов.

Старшее поколение писателей-эмигрантов

Стремление «удержать то действительно ценное, что одухотворяло прошлое» (Г. Адамович) легло в основу творчества писателей старшего поколения, успевших войти в литературу и составить себе имя еще в дореволюционной России.

К старшему поколению писателей относят: Бунина, Шмелева, Ремизова, Куприна, Гиппиус, Мережковского, Осоргина. Литература «старших» представлена преимущественно прозой. В изгнании прозаиками старшего поколения создаются великие книги: «Жизнь Арсеньева» (Нобелевская премия 1933), «Темные аллеи» Бунина; «Солнце мертвых», «Лето Господне», «Богомолье» Шмелева; «Сивцев Вражек» Осоргина; «Путешествие Глеба», «Преподобный Сергей Радонежский» Зайцева; «Иисус Неизвестный» Мережковского. Куприн выпускает два романа «Купол святого Исаакия Далматского» и «Юнкера», а также повесть «Колесо времени». Значительным литературным событием становится появление книги воспоминаний «Живые лица» Зинаиды Гиппиус.

Среди поэтов, чье творчество сложилось в России, за границу выехали Игорь Северянин, Александр Гликберг (псевдоним – Саша Черный), Давид Бурлюк, Константин Бальмонт, Зинаида Гиппиус, Вячеслав Иванов. В историю русской поэзии в изгнании они внесли незначительную лепту, уступив пальму первенства молодым поэтам – Георгию Иванову, Георгию Адамовичу, Владиславу Ходасевичу, Марине Цветаевой, Борису Поплавскому, Анатолию Штейгеру и др.

Главным мотивом литературы старшего поколения стал мотив ностальгической памяти об утраченной родине. Трагедии изгнанничества противостояло громадное наследие русской культуры, мифологизированное и поэтизированное прошедшее. Темы, к которым наиболее часто обращаются прозаики старшего поколения, ретроспективны: тоска по «вечной России», события революции и гражданской войны, историческое прошедшее, воспоминания о детстве и юности.

Смысл обращения к «вечной России» получили биографии писателей, композиторов, жизнеописания святых: Бунин пишет о Толстом («Освобождение Толстого»), Цветаева - о Пушкине («Мой Пушкин»), Ходасевич - о Державине («Державин»), Зайцев - о Жуковском, Тургеневе, Чехове, Сергии Радонежском (одноименные биографии), Михаил Цетлин о декабристах и могучей кучке («Декабристы: судьба одного поколения», «Пятеро и другие»). Создаются автобиографические книги, в которых мир детства и юности, еще не затронутый великой катастрофой, видится «с другого

берега» идиллическим, просветленным: поэтизирует прошлое Шмелев («Богомолье, Лето Господне»), события юности реконструирует Куприн («Юнкера»), последнюю автобиографическую книгу русского писателя-дворянина пишет Бунин («Жизнь Арсеньева»), путешествие к «истокам дней» запечатлевают Зайцев («Путешествие Глеба») и Алексей Толстой («Детство Никиты»). Особый пласт русской эмигрантской литературы составляют произведения, в которых дается оценка трагическим событиям революции и гражданской войны.

События гражданской войны и революции перемежаются со снами, видениями, уводящими вглубь народного сознания, русского духа в книгах Алексея Ремизова «Взвихренная Русь», «Учитель музыки», «Сквозь огонь скорбей». Скорбной обличительностью насыщены дневники Бунина «Окаянные дни». Роман Михаила Осоргина «Сивцев Вражек» отражает жизнь Москвы в военные и предвоенные годы, во время революции. Шмелев создает трагическое повествование о красном терроре в Крыму - эпопею «Солнце мертвых», которую Томас Манн назвал «кошмарным, окутанным в поэтический блеск документом эпохи».

Сополагая «вчера» и «нынешнее», старшее поколение делало выбор в пользу утраченного культурного мира старой России, не признавая необходимости вживаться в новую действительность эмиграции. Это обусловило и эстетический консерватизм «старших»: «Пора бросить идти по следам Толстого? - недоумевал Бунин. - А по чьим следам надо идти?».

Младшее поколение писателей в эмиграции

Иной позиции придерживалось младшее «незамеченное поколение» (термин писателя и литературного критика В. Варшавского), зависимое от иной социальной и духовной среды, отказавшееся от реконструкции безнадежно утраченного.

К «незамеченному поколению» принадлежали молодые писатели, не успевшие создать себе прочную литературную репутацию в России: Владимир Набоков, Гайто Газданов, Марк Алданов, Борис Поплавский, Нина Берберова, Анатолий Штейгер, Ирина Кнорринг, Лидия Червинская, Владимир Смоленский, Ирина Одоевцева, Николай Оцуп, Юрий Мандельштам, Юрий Терапиано и др. Их судьба сложилась различно. Набоков и Газданов завоевали общеевропейскую, а в случае Набокова, даже мировую славу. Алданов, начавший активно печатать исторические романы в самом известном эмигрантском журнале «Современные записки», примкнул к «старшим».

Наиболее драматична судьба погибшего при загадочных обстоятельствах Поплавского, рано умерших Штейгера и Кнорринг. Практически никто из младшего поколения писателей не мог заработать литературным трудом: Газданов стал таксистом, Терапиано служил в фармацевтической фирме, многие перебивались грошовым приработком. Характеризуя положения «незамеченного поколения», обитавшего в мелких дешевых кафе Монпарнаса, Ходасевич писал: «Отчаяние, владеющее душами Монпарнаса питается и поддерживается оскорблениями и нищетой: За столиками Монпарнаса сидят люди, из которых многие днем не обедали, а вечером затрудняются спросить себе чашку кофе. На Монпарнасе порой сидят до утра потому, что ночевать негде. Нищета деформирует и само творчество».

Наиболее остро и драматично тяготы, выпавшие на долю «незамеченного поколения», отразились в бескрайней поэзии «парижской ноты», созданной Г. Адамовичем. Предельно исповедальная, метафизическая и безнадежная «парижская нота» звучит в сборниках Б. Поплавского («Флаги»), Н. Оцупа («В дыму»), А. Штейгера («Эта жизнь», «Дважды два – четыре»), Л. Червинской («Приближение»), В. Смоленского («Наедине»), Д. Кнута («Парижские ночи»), А. Присмановой («Тень и тело»), И. Кнорринг («Стихи о себе»). Если старшее поколение вдохновлялось ностальгическими мотивами, то младшее оставило документы русской души в изгнании, изобразив действительность эмиграции. Жизнь «русского монпарно» запечатлена в романах Б. Поплавского «Аполлон Безобразов», «Домой с небес». Немалой популярностью пользовался и «Роман с кокаином» М. Агеева (псевдоним М. Леви). Широкое распространение приобрела и бытовая проза: И. Одоевцева «Ангел смерти», «Изольда»,

«Зеркало», Н. Берберова «Последние и первые», «Роман из эмигрантской жизни».

Первый исследователь эмигрантской литературы Г. Струве писал: «Едва ли не самым ценным вкладом писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут признаны разные формы нехудожественной литературы - критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная проза». Младшее поколение писателей внесло значительный вклад в мемуаристику: В. Набоков «Другие берега», Н. Берберова «Курсив мой», Ю. Терапиано «Встречи», В. Варшавский «Незамеченное поколение», В. Яновский «Поля Елисейские», И. Одоевцева «На берегах Невы», «На берегах Сены», Г. Кузнецова «Грасский дневник».

В. Набоков и Г. Газданов принадлежали к «незамеченному поколению», но не разделили его судьбы, не усвоив ни богемно-нищенского образа жизни «русских монпарно», ни их безнадежного мироощущения. Их объединяло стремление найти альтернативу отчаянию, изгнаннической неприкаянности, не участвуя при этом в круговой поруке воспоминаний, характерной для «старших». Медитативная проза Г. Газданова, технически остроумная и беллетристически элегантная была обращена к парижской действительности 20-60-х годов. В основе мироощущения Газданова - философия жизни как сопротивления и выживания.

В первом, в значительной степени автобиографическом романе «Вечер у Клэр» Газданов давал своеобразный поворот традиционной для эмигрантской литературы теме ностальгии, заменяя тоску по утраченному реальным воплощением «прекрасного сна». В романах «Ночные дороги», «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды» спокойному отчаянию «незамеченного поколения» Газданов противопоставил героический стоицизм, веру в духовные силы личности, в ее способность к преображению.

Своеобразно преломился опыт русского эмигранта и в первом романе В.Набокова «Машенька», в котором путешествие к глубинам памяти, к «восхитительно точной России» высвобождало героя из плена унылого существования. Блистательных персонажей, героев-победителей, одержавших победу в сложных, а подчас и драматичных, жизненных ситуациях, Набоков изображает в своих романах «Приглашение на казнь», «Дар», «Ада», «Подвиг». Торжество сознания над драматическими и убогими обстоятельствами жизни - таков пафос творчества Набокова, скрывавшийся за игровой доктриной и декларативным эстетизмом. В эмиграции Набоков также создает: сборник рассказов «Весна в Фиальте», мировой бестселлер «Лолита», романы «Отчаяние», «Камера обскура», «Король, дама, валет», «Посмотри на арлекинов», «Пнин», «Бледное пламя» и др.

В промежуточном положении между «старшими» и «младшими» оказались поэты, издавшие свои первые сборники до революции и довольно уверенно заявившие о себе еще в России: В. Ходасевич, Г. Иванов, М. Цветаева, Г. Адамович. В эмигрантской поэзии они стоят особняком. М. Цветаева в эмиграции переживает творческий взлет, обращается к жанру поэмы, «монументальному» стиху. В Чехии, а затем во Франции ей написаны: «Царь-девица», «Поэма Горы», «Поэма Конца», «Поэма воздуха», «Крысолов», «Лестница», «Новогоднее», «Попытка комнаты».

В. Ходасевич издает в эмиграции вершинные свои сборники «Тяжелая лира», «Европейская ночь», становится наставником молодых поэтов, объединившихся в группу «Перекресток». Г. Иванов, пережив легковесность ранних сборников, получает статус первого поэта эмиграции, выпускает поэтические книги, зачисленные в золотой фонд русской поэзии: «Стихи», «Портрет без сходства», «Посмертный дневник». Особое место в литературном наследии эмиграции занимают квазимемуары Г. Иванова «Петербургские зимы», «Китайские тени», его скандально известная поэма в прозе «Распад атома». Г. Адамович публикует программный сборник «Единство», известную книгу эссе «Комментарии».

Центры рассеяния

Основными центрами рассеяния русской эмиграции явились Константинополь, София, Прага, Берлин, Париж, Харбин. Первым местом беженства стал Константинополь - очаг русской культуры в начале 20-х годов. Здесь оказались бежавшие с Врангелем из Крыма русские белогвардейцы, которые затем рассеялись по Европе. В Константинополе в течение нескольких месяцев издавался еженедельник «Зарницы», выступал А. Вертинский. Значительная русская колония возникла и в Софии, где выходил журнал «Русская мысль». В начале 20-х годов литературной столицей русской эмиграции стал Берлин. Русская диаспора в Берлине до прихода к власти Гитлера составляла 150 тысяч человек.

С 1918 по 1928 в Берлине было зарегистрировано 188 русских издательств, большими тиражами печаталась русская классика - Пушкин, Толстой, произведения современных авторов - Ив. Бунина, А. Ремизова, Н. Берберовой, М. Цветаевой, был восстановлен Дом искусств (по подобию петроградского), образовалось содружество писателей, музыкантов, художников «Веретено», работала «Академия прозы». Существенная особенность русского Берлина - диалог двух ветвей культуры - зарубежной и оставшейся в России. В Германию выезжают многие советские писатели: М. Горький, В. Маяковский, Ю. Тынянов, К. Федин. «Для нас нет в области книги разделения на Советскую Россию и эмиграцию», - декларировал берлинский журнал «Русская книга». Когда надежда на скорое возвращение в Россию стала угасать и в Германии начался экономический кризис, центр эмиграции переместился в Париж - с середины 20-х годов - столицу русского зарубежья.

К 1923 в Париже обосновались 300 тысяч русских беженцев. В Париже живут: Ив. Бунин, А. Куприн, А. Ремизов, З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Ходасевич, Г. Иванов, Г. Адамович, Г. Газданов, Б. Поплавский, М. Цветаева и другие. С Парижем связана деятельность основных литературных кружков и групп, ведущую позицию среди которых занимала «Зеленая лампа». «Зеленая лампа» была организована в Париже З. Гиппиус и Д. Мережковским, во главе общества встал Г. Иванов. На заседании «Зеленой лампы» обсуждались новые книги, журналы, речь шла о русских литераторах старшего поколения. «Зеленая лампа» объединяла «старших» и «младших», в течение всех предвоенных лет была наиболее оживленным литературным центром Парижа.

Молодые парижские литераторы объединились в группу «Кочевье», основанную ученым-филологом и критиком М. Слонимом. С 1923 по 1924 в Париже собиралась также группа поэтов и художников «Через». Парижские эмигрантские газеты и журналы представляли собой летопись культурной и

литературной жизни русского зарубежья. В дешевых кафе Монпарнаса разворачивались литературные дискуссии, создавалась новая школа эмигрантской поэзии, известная как «парижская нота». Литературная жизнь Парижа сойдет на нет с началом Второй мировой войны, когда, по словам В. Набокова, «станет на русском Парнасе темно». Русские писатели-эмигранты останутся верны приютившей их стране, оккупированному Парижу.

Термин «Соппротивление» возникнет и приживется в среде русских эмигрантов, многие из которых окажутся его активными участниками. Г. Адамович запишется добровольцем на фронт. Писательница З. Шаховская станет сестрой в военном госпитале; мать Мария (поэтесса Е. Кузьмина-Караваева) погибнет в немецком концлагере, неся духовную помощь и поддержку; Г. Газданов, Н. Оцуп, Д. Кнут примкнут к Соппротивлению. Ив. Бунин в горькие годы оккупации напишет книгу о торжестве любви, человеческого начала - «Темные аллеи».

Восточные центры рассеяния - Харбин и Шанхай. Молодой поэт А. Ачаир организует в Харбине литературное объединение «Чураевка». Собрания «Чураевки» включали до 1000 человек. За годы существования «Чураевки» в Харбине было выпущено более 60 поэтических сборников русских поэтов. В харбинском журнале «Рубеж» печатались поэты А. Несмелов, В. Перелешин, М. Колосова. Существенное направление харбинской ветви русской словесности составит этнографическая проза (Н. Байков «В дебрях Маньчжурии», «Великий Ван», «По белу свету»). С 1942-ом литературная жизнь сместится из Харбина в Шанхай. Научным центром русской эмиграции долгое время была Прага.

В Праге был основан Русский народный университет, приглашено 5 тысяч русских студентов, которые могли продолжить образование на казенном коште. Сюда же перебрались многие профессора и преподаватели вузов. Важную роль в сохранении славянской культуры, развитии науки сыграл «Пражский лингвистический кружок». С Прагой связано творчество М. Цветаевой, которая создает в Чехии лучшие свои произведения. До начала второй мировой войны в Праге выходило около 20 русских литературных журналов и 18 газет. Среди пражских литературных объединений – «Скит поэтов», Союз русских писателей и журналистов.

Русское рассеяние затронуло и Латинскую Америку, Канаду, Скандинавию, США. Писатель Г. Гребенщиков, переехав в 1924 в США, организовал здесь русское издательство «Алатас». Несколько русских издательств было открыто в Нью-Йорке, Детройте, Чикаго.

Основные события жизни русской литературной эмиграции. Одним из центральных событий жизни русской эмиграции станет полемика В.

Ходасевича и Г. Адамовича, продолжавшаяся с 1927 по 1937. В основном полемика разворачивалась на страницах парижских газет «Последние новости» (печатался Адамович) и «Возрождение» (печатался Ходасевич). В. Ходасевич полагал главной задачей русской литературы в изгнании сохранение русского языка и культуры. Он ратовал за мастерство, настаивал на том, что эмигрантская литература должна наследовать величайшие достижения предшественников, «привить классическую розу» к эмигрантскому дичку.

Вокруг Ходасевича объединились молодые поэты группы «Перекресток»: Г. Раевский, И. Голенищев-Кутузов, Ю. Мандельштам, В. Смоленский. Адамович требовал от молодых поэтов не столько мастерства, сколько простоты и правдивости «человеческих документов», возвышал голос в защиту «черновиков, записных книжек». В отличие от В. Ходасевича, противопоставившего драматическим реалиям эмиграции гармонию пушкинского языка, Адамович не отвергал упадническое, скорбное мироощущение, а отражал его. Г. Адамович - вдохновитель литературной школы, вошедшей в историю русской зарубежной литературы под именем «парижской ноты» (А. Штейгер, Л. Червинская и др.). К литературным спорам Адамовича и Ходасевича присоединилась эмигрантская пресса, виднейшие критики эмиграции А. Бем, П. Бицилли, М. Слоним, а также В. Набоков, В. Варшавский.

Споры о литературе шли и в среде «незамеченного поколения». Статьи Г. Газданова, Б. Поплавского о положении молодой эмигрантской литературы внесли свою лепту в осмысление литературного процесса за рубежом. В статье «О молодой эмигрантской литературе» Газданов признавал, что новый социальный опыт и статус покинувших Россию интеллигентов, делает невозможным сохранение иерархического облика, искусственно поддерживаемой атмосферы дореволюционной культуры. Отсутствие современных интересов, заклинание прошлого превращает эмиграцию в «живой иероглиф». Эмигрантская литература стоит перед неизбежностью освоения новой реальности. «Как жить? - спрашивал Б. Поплавский в статье “О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции”. - Погибать. Улыбаться, плакать, делать трагические жесты, проходить, улыбаясь на огромной глубине, в страшной нищете. Эмиграция - идеальная обстановка для этого». Страдания русских эмигрантов, которыми должна питаться литература, тождественны откровению, сливаются с мистической симфонией мира. Изгнаннический Париж, по мнению Поплавского, станет «зерном будущей мистической жизни», колыбелью возрождения России.

На атмосферу русской литературы в изгнании значительным образом повлияет полемика сменовеховцев и евразийцев. В 1921 в Праге вышел

сборник «Смена вех» (авторы Н. Устрялов, С. Лукьянов, А. Бобрищев-Пушкин - бывшие белогвардейцы). Сменовеховцы призывали принять большевистский режим, во имя родины пойти на компромисс с большевиками. В среде сменовеховцев зародится национал-большевизм – «использование большевизма в национальных целях». Трагическую роль сменовеховство сыграет в судьбе М. Цветаевой, муж которой С. Эфрон был завербован советскими службами. В том же 1921 в Софии был выпущен сборник «Исход к Востоку». Авторы сборника (П. Савицкий, П. Сувчинский, князь Н. Трубецкой, Г. Флоровский) настаивали на особом промежуточном положении России - между Европой и Азией, видели Россию как страну с мессианским предназначением. На евразийской платформе выходил журнал «Версты», в котором печатались М. Цветаева, А. Ремизов, А. Белый.

Литературно-общественные издания русской эмиграции

Одним из самых влиятельных общественно-политических и литературных журналов русской эмиграции были «Современные записки», издававшиеся эсерами В. Рудневым, М. Вишняком, И. Бунаковым (Париж, 1920-1939, основатель И. Фондаминский-Буняков). Журнал отличался широтой эстетических взглядов и политической терпимостью. Всего вышло 70 номеров журнала, в которых печатались наиболее известные писатели русского зарубежья. В «Современных записках» увидели свет: «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Дар» В. Набокова; «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева» Ив. Бунина, стихотворения Г. Иванова, «Сивцев Вражек» М. Осоргина, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Ключ» М. Алданова, автобиографическая проза Шаляпина. Журнал давал рецензии на большинство вышедших в России и за рубежом книг практически по всем отраслям знаний.

С 1937 издатели «Современных записок» стали выпускать также ежемесячный журнал «Русские записки», который печатал произведения А. Ремизова, А. Ачаира, Г. Газданова, И. Кнорринг, Л. Червинскую.

Основным печатным органом писателей «незамеченного поколения», долгое время не имевших своего издания, стал журнал «Числа» (Париж, 1930-1934, ред. Н. Оцуп). За четыре года вышло десять номеров журнала. «Числа» стали рупором идей «незамеченного поколения», оппозицией традиционным «Современным запискам». «Числа» культивировали «парижскую ноту» и печатали Г. Иванова, Г. Адамовича, Б. Поплавского, Р. Блох, Л. Червинскую, М. Агеева, И. Одоевцеву. Б. Поплавский так определял значение нового журнала: «“Числа” есть атмосферическое явление, почти единственная атмосфера безграничной свободы, где может дышать новый человек». В журнале публиковались также заметки о кино, фотографии, спорте. Журнал отличало высокое, на уровне дореволюционных изданий, качество полиграфического исполнения.

Среди наиболее известных газет русской эмиграции - орган республиканско-демократического объединения «Последние новости», монархическое выражавшее идею Белого движения «Возрождение», газеты «Звено», «Дни», «Россия и славянство». Судьба и культурное наследие писателей первой волны русской эмиграции - неотъемлемая часть русской культуры XX века, блистательная и трагическая страница в истории русской литературы.

Вторая волна эмиграции (1940-1950 годы)

Вторая волна эмиграции, порожденная второй мировой войной, не отличалась таким массовым характером, как эмиграция из большевистской России. Со второй волной СССР покидают военнопленные, так называемые перемещенные лица - граждане, угнанные немцами на работы в Германию, те, кто не принял тоталитарный режим. Большинство эмигрантов второй волны селились в Германии (преимущественно в Мюнхене, имевшем многочисленные эмигрантские организации) и в Америке. К 1952 в Европе насчитывалось 452 тысячи бывших граждан СССР. 548 тысяч русских эмигрантов к 1950 прибыло в Америку.

Среди писателей, вынесенных со второй волной эмиграции за пределы родины: И. Елагин, Д. Кленовский, Ю. Иваск, Б. Нарциссов, И. Чиннов, В. Синкевич, Н. Нароков, Н. Моршен, С. Максимов, В. Марков, Б. Ширяев, Л. Ржевский, В. Юрасов и др. Выехавшим из СССР в 40-е годы на долю выпали не менее тяжелые испытания, чем беженцам из большевистской России: война, плен, ГУЛАГ, аресты и пытки. Это не могло не сказаться на мироощущении литераторов: самыми распространенными темами в творчестве писателей второй волны становятся лишения войны, плен, ужасы сталинского террора.

Наибольший вклад в русскую литературу среди представителей второй волны внесли поэты: И. Елагин, Д. Кленовский, В. Юрасов, В. Моршен, В. Синкевич, В. Чиннов, Ю. Иваск, В. Марков. В эмигрантской поэзии 40-50-х преобладает политическая тематика: Елагин пишет Политические фельетоны в стихах, антитоталитарные стихи публикует Моршен («Тюлень», «Вечером 7 ноября»), Юрасов описывает ужасы советских концлагерей в вариациях на тему «Василия Теркина» Твардовского. Первым поэтом второй волны критика наиболее часто называет Елагина, выпустившего в эмиграции сборники «По дороге оттуда», «Ты, мое столетие», «Отсветы ночные», «Косой полет», «Дракон на крыше», «Под созвездием топора», «В зале Вселенной». Основными «узлами» своего творчества Елагин называл гражданственность, беженскую и лагерную темы, ужас перед машинной цивилизацией, урбанистическую фантастику. По социальной заостренности, политическому и гражданскому пафосу стихи Елагина оказывались ближе советской поэзии военного времени, нежели «парижской ноте».

Преодолев ужас пережитого, к философской, медитативной лирике обратились Ю. Иваск, Д. Кленовский, В. Синкевич. Религиозные мотивы звучат в стихах Ю. Иваска (сборники «Царская осень», «Хвала», «Золушка», «Я – мещанин», «Завоевание Мексики»). Принятие мира - в сборниках В. Синкевич «Наступление дня», «Цветение трав», «Здесь я живу». Оптимизмом и

гармоничной ясностью отмечена лирика Д. Кленовского (книги «Палитра», «След жизни», «Навстречу небу», «Прикосновение», «Уходящие паруса», «Певучая ноша», «Теплый вечер», «Последнее»). Значителен вклад в эмигрантскую поэзию и И. Чиннова, Т. Фесенко, В. Завалишина, И. Буркина.

Герои, не сжившиеся с советской действительностью, изображены в книгах прозаиков второй волны. Трагична судьба Федора Панина, бегущего от «Великого Страх» в романе В. Юрасова «Параллакс». С. Марков полемизирует с шолоховской «Поднятой целиной» в романе «Денис Бушуев». К лагерной теме обращаются Б. Филиппов (рассказы «Счастье», «Человеки», «В тайге», «Любовь», «Мотив из “Баядерки”»), Л. Ржевский (повесть «Девушка из бункера (Между двух звезд)»). Сцены из жизни блокадного Ленинграда изображает А. Даров в книге «Блокада», об истории Соловков от Петра Первого до советских концлагерей пишет Б. Ширяев («Неугасимая лампада»). На фоне «лагерной литературы» выделяются книги Л. Ржевского «Дина» и «Две строчки времени», в которых повествуется о любви пожилого человека и девушки, о преодолении непонимания, жизненного трагизма, барьеров в общении. По мнению критики, в книгах Ржевского «радиация любви оказалась сильнее радиации ненависти».

Большинство писателей второй волны эмиграции печатались в выходившем в Америке «Новом журнале» и в журнале литературы, искусства и общественной мысли «Грани».

Третья волна эмиграции (1960-1980 годы)

С третьей волной эмиграции из СССР преимущественно выехали деятели искусства, творческая интеллигенция. В 1971-ом 15 тысяч советских граждан покидают Советский союз, в 1972-ом - эта цифра возрастет до 35 тысяч. Писатели-эмигранты третьей волны, как правило, принадлежали к поколению «шестидесятников», с надеждой встретившему XX съезд КПСС, развенчание сталинского режима. «Десятилетием советского донкихотства» назовет это время повышенных ожиданий В. Аксенов. Немаловажную роль для поколения 60-х сыграл факт его формирования в военное и послевоенное время. Б. Пастернак так охарактеризовал этот период: «По отношению ко всей предшествующей жизни 30-х годов, даже на воле, даже в благополучии университетской деятельности, книг, денег, удобств, война оказалась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления. Трагически тяжелый период войны был живым периодом: вольным, радостным возвращением чувства общности со всеми». «Дети войны», выросшие в атмосфере духовного подъема, возложили надежды на хрущевскую «оттепель». Однако вскоре стало очевидно, что коренных перемен в жизни советского общества «оттепель» не сулит. Вслед за романтическими мечтаниями последовала 20-летняя стагнация. Началом свертывания свободы в стране принято считать 1963, когда состоялось посещение Н. С. Хрущевым выставки художников-авангардистов в Манеже. Середина 60-х годов - период новых гонений на творческую интеллигенцию и, в первую очередь, на писателей. Произведения А. Солженицына запрещены к публикации. Возбуждено уголовное дело против Ю. Даниэля и А. Синявского, А. Синявский арестован. И. Бродский осужден за тунеядство и сослан в станицу Норенская. С. Соколов лишен возможности печататься. Поэт и журналистка Н. Горбаневская (за участие в демонстрации протеста против вторжения советских войск в Чехословакию) была помещена в психиатрическую лечебницу. Первым писателем, депортированным на запад, становится в 1966-ом В. Тарсис.

Гонения и запреты породили новый поток эмиграции, существенно отличающийся от двух предыдущих: в начале 70-х СССР начинает покидать интеллигенция, деятели культуры и науки, в том числе, писатели. Из них многие лишены советского гражданства (А. Солженицын, В. Аксенов, В. Максимов, В. Войнович и др.). С третьей волной эмиграции за границу выезжают: В. Аксенов, Ю. Алешковский, И. Бродский, Г. Владимов, В. Войнович, Ф. Горенштейн, И. Губерман, С. Довлатов, А. Галич, Л. Копелев, Н. Коржавин, Ю. Кублановский, Э. Лимонов, В. Максимов, Ю. Мамлеев, В. Некрасов, С. Соколов, А. Синявский, А. Солженицын, Д. Рубина и др.

Большинство русских писателей эмигрирует в США, где формируется мощная русская диаспора (И. Бродский, Н. Коржавин, В. Аксенов, С. Довлатов, Ю. Алешковский и др.), во Францию (А. Синявский, М. Розанова, В. Некрасов, Э. Лимонов, В. Максимов, Н. Горбаневская), в Германию (В. Войнович, Ф. Горенштейн).

Писатели третьей волны оказались в эмиграции в совершенно новых условиях, они во многом были не приняты своими предшественниками, чужды «старой эмиграции». В отличие от эмигрантов первой и второй волн, они не ставили перед собой задачи «сохранения культуры» или запечатления лишений, пережитых на родине. Совершенно разный опыт, мировоззрение, даже разный язык (так А. Солженицын издает «Словарь языкового расширения», включавший диалекты, лагерный жаргон) мешали возникновению связей между поколениями.

Русский язык за 50 лет советской власти претерпел значительные изменения, творчество представителей третьей волны складывалось не столько под воздействием русской классики, сколько под влиянием популярной в 60-е годы в СССР американской и латиноамериканской литературы, а также поэзии М. Цветаевой, Б. Пастернака, прозы А. Платонова. Одной из основных черт русской эмигрантской литературы третьей волны станет ее тяготение к авангарду, постмодернизму. Вместе с тем, третья волна была достаточно разнородна: в эмиграции оказались писатели реалистического направления (А. Солженицын, Г. Владимов), постмодернисты (С. Соколов, Ю. Мамлеев, Э. Лимонов), нобелевский лауреат И. Бродский, антиформалист Н. Коржавин. Русская литература третьей волны в эмиграции, по словам Наума Коржавина, это «клубок конфликтов»: «Мы уехали для того, чтобы иметь возможность драться друг с другом».

Два крупнейших писателя реалистического направления, работавшие в эмиграции - А. Солженицын и Г. Владимов. А. Солженицын, вынужденно выехав за рубеж, создает в изгнании роман-эпопею «Красное колесо», в котором обращается к ключевым событиям русской истории XX века, самобытно трактуя их. Эмигрировавший незадолго до перестройки (в 1983), Г. Владимов публикует роман «Генерал и его армия», в котором также касается исторической темы: в центре романа события Великой Отечественной Войны, отменившие идейное и классовое противостояние внутри советского общества, замордованного репрессиями 30-х годов. Судьбе крестьянского рода посвящает свой роман «Семь дней творенья» В. Максимов. В. Некрасов, получивший Сталинскую премию за роман «В окопах Сталинграда», после выезда публикует «Записки зеваки», «Маленькую печальную повесть».

Особое место в литературе «третьей волны» занимает творчество В. Аксенова и С. Довлатова. Творчество Аксенова, лишенного советского гражданства в 1980, обращено к советской действительности 50-70-х годов, эволюции его поколения. Роман «Ожог» дает феерическую панораму послевоенной московской жизни, выводит на авансцену культовых героев 60-х - хирурга, писателя, саксофониста, скульптора и физика. В роли летописца поколения Аксенов выступает и в Московской саге.

В творчестве Довлатова - редкое, не характерное для русской словесности соединение гротескового мироощущения с отказом от моральных инвектив, выводов. В русской литературе XX века рассказы и повести писателя продолжают традицию изображения «маленького человека». В своих новеллах Довлатов точно передает стиль жизни и мироощущение поколения 60-х, атмосферу богемных собраний на ленинградских и московских кухнях, абсурд советской действительности, мытарства русских эмигрантов в Америке. В написанной в эмиграции «Иностранке» Довлатов изображает эмигрантское существование в ироническом ключе. 108-я улица Квинса, изображенная в «Иностранке», - галерея произвольных шаржей на русских эмигрантов.

В. Войнович за рубежом пробует себя в жанре антиутопии - в романе «Москва 2042», в котором дана пародия на Солженицына и изображена агония советского общества.

А. Синявский публикует в эмиграции «Прогулки с Пушкиным», «В тени Гоголя» - прозу, в которой литературоведение совмещено с блестящим писательством, и пишет ироническую биографию «Спокойной ночи».

К постмодернистской традиции относят свое творчество С. Соколов, Ю. Мамлеев, Э. Лимонов. Романы С. Соколова «Школа для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрия» являются изощренными словесными структурами, шедеврами стиля, в них отразилась постмодернистская установка на игру с читателем, смещение временных планов. Первый роман С. Соколова «Школа для дураков» был высоко оценен В. Набоковым - кумиром начинающего прозаика. Маргинальность текста - в прозе Ю. Мамлеева, в настоящий момент вернувшего себе российское гражданство. Наиболее известные произведения Мамлеева - «Крылья ужаса», «Утопи мою голову», «Вечный дом», «Голос из ничто». Э. Лимонов имитирует соцреализм в повести «У нас была прекрасная эпоха», отрицает истэблишмент в книгах «Это я - Эдичка», «Дневник неудачника», «Подросток Савенко», «Молодой негодяй».

Среди поэтов, оказавшихся в изгнании - Н. Коржавин, Ю. Кублановский, А. Цветков, А. Галич, И. Бродский. Видное место в истории русской поэзии принадлежит И. Бродскому, получившему в 1987 году Нобелевскую премию за «развитие и модернизацию классических форм». В эмиграции Бродский

публикует стихотворные сборники и поэмы: «Остановка в пустыне», «Часть речи», «Конец прекрасной эпохи», «Римские элегии», «Новые стансы к Августе», «Осенний крик ястреба».

Оказавшиеся в изоляции от «старой эмиграции» представители третьей волны открыли свои издательства, создали альманахи и журналы. Один из известнейших журналов третьей волны «Континент» - был создан В. Максимовым и выходил в Париже. В Париже также издавался журнал «Синтаксис» (М. Розанова, А. Синявский). Наиболее известные американские издания - газеты «Новый американец» и «Панорама», журнал «Калейдоскоп». В Израиле основан журнал «Время и мы», в Мюнхене – «Форум». В 1972-ом начинает работать издательство «Ардис», И. Ефимов основывает издательство «Эрмитаж». Вместе с этим, свои позиции сохраняют такие издания, как «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Русская мысль» (Париж), «Грани» (Франкфурт-на-Майне).

Рекомендованная литература:

1. **Арьев, А. Ю.** Жизнь Георгия Иванова : документальное повествование / А. Ю. Арьев. - Санкт-Петербург : Журнал "Звезда", 2009. - 485 с.
2. **Волков, О. В.** Погружение во тьму / О. В. Волков. - Москва : Вагриус, 2000. - 477 с. : фотоил. - (Мой XX век).
3. **Встреча с эмиграцией** : из переписки Иванова-Разумника / авт. сопроводит. мат. : О. Раевская-Хьюз. - Москва : Русский путь, 2001. - 400 с. - указ. имен: с. 378-393.
4. **Дети эмиграции** : воспоминания : сборник статей / ред. В. В. Зеньковский. - Москва : Аграф, 2001. - 243 с. - (Символы времени).
5. **Ефимов, И. М.** Архивы Страшного суда : роман / И. М. Ефимов. - Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2003. - 352 с. - (Bibliotheca stylogum).
6. **Записки очевидца** : воспоминания дневники. - Москва : Современник, 1991. - 701с.
7. **Иванов, Г. В.** Закат над Петербургом / Г. В. Иванов , п. ст. С. Федякин. - Москва : Олма-пресс, 2002. - 347 с. : ил. - (Ностальгия).
8. **Катков, Г. М.** Февральская революция / Г. М. Катков ; ред. А. И. Солженицын ; пер. с англ. Н. Артамонов, Н. Яценко. - Москва : Русский путь, 1997. - 431 с. - (Исследования новейшей русской истории. Вып. 4).
9. **Кривошеина, Н. А.** Четыре трети нашей жизни / Н. А. Кривошеина ; авт. послесл. Н. И. Кривошеин. - Москва : Русский путь, 1999. - 287 с. - (Всероссийская мемуарная библиотека. Наше недавнее).
10. **Кулаев, И. В.** Под счастливой звездой : воспоминания / И. В. Кулаев ; худ. Г. К. Самойлов. - Москва : Русский путь, 1999. - 295 с. : ил.
11. **Львов, Г. Е.** Воспоминания / Г. Е. Львов ; сост. Н. В. Вырубов. - Москва : Русский путь, 1998. - 117 с.
12. **Нижинский, В. Ф.** Чувство: тетради / В. Ф. Нижинский - Москва : Вагриус, 2000. - 253 с. : фотоил. - (Мой XX век).

13. **О России и русской философской культуре** : философы русского послеоктябрьского зарубежья / сост. М. А. Маслин; отв. ред. Е. М. Чехарин. - Москва : Наука, 1990. - 528 с.
14. **Периодика и литературные центры** : литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918-1940 / сост. А. Н. Николюкин. - Москва : Росспэн, 2000. - 639 с. : ил. - указ. лит. центров: с. 572-594. - алф. указ. имен: с. 595-635.
15. **Русская поэзия Китая** : антология / сост. В. Крейд, О. Бакич. - Москва : Время, 2001. - 719 с. - (Поэтическая библиотека. Русская зарубежная поэзия).
16. **Хечинов, Ю. Е.** Ангелы-хранители : страницы истории Отечества / Ю. Е. Хечинов. - Москва : Дюм, 1996. - 463 с. : ил. - (Мое отечество).

Иван Бунин



Разве многие не знали, что революция есть только кровавая игра в перемену местами, всегда кончающаяся тем, что народ, даже если ему и удалось некоторое время посидеть, попить и побушевать на господском месте, всегда в конце концов попадает из огня да в полымя?

... Сатана каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило исступление, острое умопомешательство.

И. А. Бунин «Окаянные дни»

Иван Алексеевич Бунин оставил Россию в феврале 1920 года и через Одессу, Константинополь, Белград приехал в Париж. Он не принял февральскую революцию, а время после октября 1917 года назвал «окаянными днями». Он чувствовал свою правоту, когда, видя зло и разрушение, говорил, что силы, творящие историю, бессмысленно жестоки. Таковыми были и русская, и французская революции (мысли об этом нашли отражением в рассказах «Богиня разума», «Несрочная весна», «Безумный художник»). Не ломая ничего в своем художественном мире, он, уже в другое время и в других условиях - вне России, переживает трагедию России, ее «конец», как трагедию глубоко личную. Это чрезвычайно обострило главный мотив его творчества: ощущение вечности и могущества природы и мгновенности и обреченности всего, что связано с человеком: женской красоты, славы, счастья, могущества.

Мучительно переживая случившееся с Россией и свою отторженность от нее, он пытается найти объяснение и успокоение в обращении к событиям мировой истории, которые можно было бы соотнести с российскими: гибель могущественных древних цивилизаций, царств (рассказ «Город Царя Царей»). И теперь, вдали от России, мучительно думая о ней, Бунин обращается к памяти, особо выделяя ее среди духовных ценностей: «Мы живем всем тем, чем живем, лишь в той мере, в какой постигаем цену того, чем живем. Обычно эта цена очень мала: возвышается она лишь в минуты восторга счастья или несчастья, яркого сознания приобретения или потери; еще - в минуты поэтического преображения прошлого в памяти».

В его памяти возникал образ России в ее давно прошедших временах, недавнем прошлом и современности. Такое совмещение разновременных

планов было для него спасительным. Оно позволило Бунину, не принимая по-прежнему российскую современность, найти то родное, светлое, вечное, что давало ему надежду: березовый лес на Орловщине, песни, которые поют косцы (рассказ «Косцы», 1921), Чехов (рассказ «Пингвины», 1929). Память позволила ему связать современную Россию, где «настал конец, предел Божьему прощению», с вневременными, вечными ценностями. Помимо вечной природы, такой вечной ценностью для Бунина оставалась любовь, которую он воспел в рассказе «Солнечный удар» (1925), повести «Митина любовь» (1925), книге рассказов «Темные аллеи» (1943), любовь всегда трагическая, прекрасная и обреченная. Все эти темы - жизни, смерти, природы, любви - к концу 20-х годов легли в основу его рассказов о России, какой она ему помнилась и какая ему была кровно дорога.

В 1927 году Бунин начал писать роман «Жизнь Арсеньева», ставший еще одной художественной автобиографией из жизни русского дворянства наряду с такими классическими произведениями, как «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С. Аксакова, «Детство», «Отрочество», «Юность» Л.Толстого. События детства, отрочества, жизнь в деревне, учеба в гимназии (80-90-е годы XIX в.) увидены в нем двойным зрением: глазами гимназиста Алексея Арсеньева и глазами Бунина, создававшего роман в 20-30-е годы XX века. Говоря о России, «погибшей на наших глазах в такой волшебной краткой срок», Бунин всем художественным строем своего романа преодолевает мысль о конце и смерти. Такое преодоление - в бунинских пейзажах, в той любви к России и ее культуре, которая чувствуется в каждом эпизоде и ситуации романа: даже отца главного героя Бунин назвал Александром Сергеевичем. Ужас конца и смерти преодолевается авторской лирической исповедью, из которой становится ясно, как происходило становление одного из самых крупных писателей XX века. И, конечно, победой над «концом» стала пятая, последняя глава «Жизни Арсеньева», которая называется «Лица» и в которой Бунин вспоминает, как еще в 1889 году, когда он работал в «Орловском вестнике», его «сразила, к великому несчастью, долгая любовь». И любовь эта не была уничтожена временем.

Именно роман «Жизнь Арсеньева», по мнению самого автора, обусловил присуждение Бунину в 1933 году Нобелевской премии по литературе.

Сила любви, преодолевающая мрак и хаос жизни, стала основным содержанием книги «Темные аллеи», написанной в годы второй мировой войны. Все составившие ее 38 новелл - о любви, чаще всего неразделенной и трагической. Здесь отразилось бунинское понимание любви: «Всякая любовь - великое счастье, даже если она не разделена». В книгу «Темные аллеи» входит и рассказ «Чистый понедельник», который Бунин считал лучшим из всего, что

им было написано. «Благодарю Бога, - говорил он, - что он дал мне возможность написать “Чистый понедельник”».

За несложной фабулой рассказа чувствуется присутствие какой-то скрытой значительности. Ею оказалась иносказательно, символически выраженная мысль об историческом пути России. Поэтому столь загадочна героиня рассказа, воплощающая не идею любви-страсти, а тоску по нравственному идеалу, столь значимо в ней сочетание восточного и западного начал как отражение этого сочетания в жизни России. Ее неожиданный, на первый взгляд, уход в монастырь символизирует тот «третий путь», который избрал Бунин для России. Он отдает предпочтение пути смирения, обуздания стихий и видит в этом возможность выйти за пределы западной и восточной обреченности, пути великих страданий, в которых Россия искупит свой грех и выйдет на свой путь.

С началом Второй мировой войны, в 1939, семья Буниных поселились на юге Франции, в Грассе, на вилле "Жаннет", где и провели всю войну. Когда немцы оккупировали Францию, то Бунин ничего не печатал, хотя и крайне нуждался, фактически голодал. Сотрудничество с профашистской прессой он считал предательством по отношению к своей далекой Родине. И он искренне радовался победам советских и союзных войск.

В 1945 году Бунин вновь возвращается в Париж. Там он пишет книгу воспоминаний и работает над книгой "О Чехове". Но закончить ее он уже не успел.

В ночь на 8 ноября 1953 года Иван Алексеевич Бунин умер. Его похоронили на «русском кладбище» Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. В цинковом гробу, который обычно выбирали тогда, когда надеялись, что придет время, и прах будет однажды предан родной земле, которую покойный любил, на которую так хотел вернуться.

Рекомендованная литература:

1. **Бунин, И. А.** Собрание сочинений [в 6 т.] / И. А. Бунин. - Москва : Terra-Terra, 1996 - 1997.
Т. 1 : Стихотворения 1888-1917 гг. - 1996. - 350 с.
Т. 2 : Произведения 1887-1909 гг. ; Статьи, выступления. - 1997. - 510 с.
Т. 3 : Произведения 1907-1914 гг. ; Автобиографические заметки. - 1996. - 562 с.
Т. 4 : Произведения 1914-1931. - 1996. - 548 с.
Т. 5 : Жизнь Арсеньева ; Проза 1930. Стихотворения 1918-1952 гг. Переводы. - 1996. - 558 с.

Т. 6 : Освобождение Толстого ; О Чехове. Воспоминания. - 1996. - 404 с.

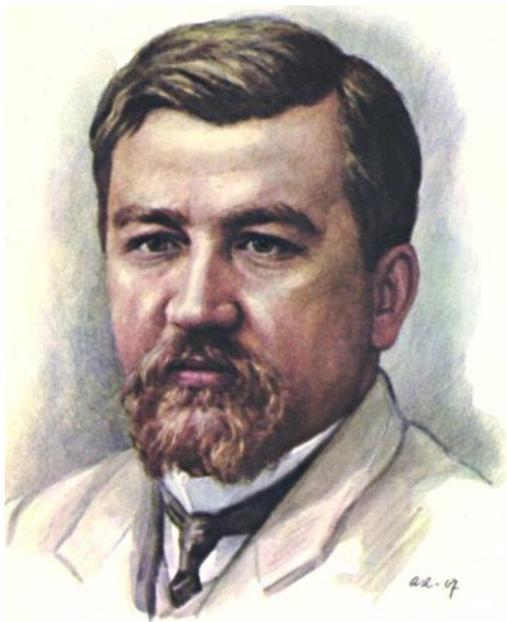
2. **Бунин, И. А.** Малое собрание сочинений / И. А. Бунин. - Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. - 798 с.
3. **Бунин, И. А.** Сочинения : в 3 т. / И. А. Бунин. - Москва : Художественная литература, 1982.
Т 1. : Стихотворения ; Повести и рассказы 1900-1914. Из рассказов «Тень птицы». - 1982. - 582 с.
Т 2. : Повести и рассказы 1914-1930. - 1982. - 558 с.
Т. 3 : Жизнь Арсеньева ; Темные аллеи ; Рассказы 1944-1952. - 1982. - 535 с.
4. **Бунин, И. А.** Избранные сочинения / И. А. Бунин. - Москва : Художественная литература, 1984. - 750 с. - (Библиотека классики. Русская литература).
5. **Бунин, И. А.** Антоновские яблоки / И. А. Бунин. - Москва : Вече, 1999. - 527 с.
6. **Бунин, И. А.** Великий дурман ; Окаянные дни / И. А. Бунин. Письма к читателю ; Несвоевременные мысли / М. Горький. - Москва : Айрис-пресс, 2004. - 400 с. : ил. - (Библиотека истории и культуры).
7. **Бунин, И. А.** Господин из Сан-Франциско : рассказы и повести / И. А. Бунин. - Москва : Пресса, 1996. - 560 с. - (Поэзия XX века).
8. **Бунин, И. А.** Грамматика любви / И. А. Бунин. - Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2011. - 303 с. - (Классика. Лучшее из великого).
9. **Бунин, И. А.** Жизнь Арсеньева (Юность) / И. А. Бунин. - Москва : АСТ, 2003. - 304 с. - (Мировая классика).
10. **Бунин, И. А.** Избранное : повести, рассказы / И. А. Бунин. - Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1986. - 496 с.
11. **Бунин, И. А.** Несрочная весна : стихи / И. А. Бунин; сост., авт. предисл., авт. примеч. С. Н. Морозов. - Москва : Школа-Пресс, 1994. - 544 с. - (Круг чтения : школьная программа).
12. **Бунин, И. А.** Окаянные дни : повести и рассказы / И. А. Бунин. - Москва : Эксмо, 2006. - 640 с. - (Русская классика).

13. **Бунин, И. А.** Повести и рассказы. 1892-1909 / И. А. Бунин. - Москва : Аст: Фолио, 2000. - 428 с. - (Мировая классика).
14. **Бунин, И. А.** Повести. Рассказы / И. А. Бунин. - Москва : Изд-во Русанова, 1994. - 366 с. : ил. - (Русская классика о любви).
15. **Бунин, И. А.** Рассказы. Избранное. Анализ текста. Сочинения. / И. А. Бунин. - Москва : ДРОФА, 1997. - 144 с.
16. **Бунин, И. А.** Роза Иерихона / И. А. Бунин. - Москва : Сретенский монастырь, 2000. - 176 с.
17. **Бунин, И. А.** Темные аллеи : повести / И. А. Бунин. - Москва : Эксмо, 2006. - 608 с. - (Русская классика).
18. **Бунин, И. А.** Стихотворения / И. А. Бунин ; сост. М. Заячковский. - Москва : Профиздат, 2000. - 255 с. : портр. - (Поэзия XX века).
19. **Бунин, И. А.** Чистый понедельник : повести и рассказы / И. А. Бунин ; отв. ред. А. Н. Печерская ; авт. предисл. К. Паустовский ; коммент. А. Бабореко ; худ. Л. Бирюков. - Москва : Детская литература, 2003. - 381 с. : ил. - (Школьная библиотека).

О нем:

20. **Бабореко, А. К.** Бунин : жизнеописание / В. И. Коробов. - 2-е изд. - Москва : Молодая гвардия, 2009. - 457 с. : фот. + 16 л. - (Жизнь замечательных людей).
21. **Бицилли, П. М.** Бунин и его место в русской литературе / П. М. Бицилли // Трагедия русской культуры : исследования, статьи, рецензии / П. М. Бицилли. - Москва : Русский путь, 2000. - С. 418-422.
22. **Карпов, И. П.** Проза Ивана Бунина : книга для студентов, преподавателей, аспирантов, учителей / И. П. Карпов. - Москва : Флинта: Наука, 1999. - 336 с.

Александр Куприн



Попав эмигрантом в послевоенный Париж, Куприн потерял в беженской жизни свою прежнюю веселость. «Париж вы не узнали бы, - писал он мне. - Он вовсе не наряжен, не танцует, не острит. Война придавила и его, как и весь мир. Но зелен он также, как и много лет тому назад. И тот же волшебный простор площадей, от которого глаза становятся "ненасытными и крылатыми"».

*Людмила Врангель
«Воспоминание об А. И. Куприне»*

Когда началась первая мировая война, в двух комнатах дома Куприных был устроен госпиталь, где за ранеными ухаживала жена писателя Елизавета Морицевна Куприна, работавшая сестрой милосердия еще во время русско-японской войны, и семилетняя дочь Ксения.

В 1915 году Александра Ивановича, как офицера запаса, мобилизовали и послали в Финляндию, где он должен был обучать солдат, но из-за обострившейся болезни вскоре вернулся в Гатчину.

Как поручик запаса Куприн был призван в армию после начала первой мировой войны. До демобилизации по болезни он был цензором, а также командовал пехотной ротой в одной из резервных частей. Февральскую революцию Куприн встретил восторженно и тотчас начал публиковаться в различных газетах — «Петербургском листке», «Петроградском голосе», «Вечернем слове», «Биржевых ведомостях», выступая со статьями на политические темы.

После Октябрьской революции Куприн какое-то время живет в Гатчине и в буквальном смысле слова борется за свое выживание, занимаясь огородничеством. Об этом он напишет в мемуарах «Купол св. Исаакия Далматского». Вскоре в качестве офицера запаса Куприн был снова мобилизован и приписан к газете «Приневский край». Там он выразил свое резко отрицательное отношение к большевикам. Диктатуру как форму власти писатель не принял, Советскую Россию называл «Совдепией».

В октябре 1919 года А. И. Куприн снова был призван, но теперь в армию Н. Н. Юденича, занявшую Гатчину. 6 октября 1919 года в Гатчину вошел головной Талабский полк армии. Куприн явился к коменданту города, и вышел из его кабинета редактором фронтовой газеты «Приневский край». Жить этой газете было суждено менее месяца.

21 октября, получив подкрепления из Москвы, 7-я и 15-я армии красных перешли в контрнаступление, угрожая заключить в «мешок» белые части в районе Гатчины. Начался неудержимый откат армии Юденича в сторону Ямбурга (ныне Кингисепп), а затем Нарвы.

В первые дни ноября 1919 года Куприн с частями Северо-западной армии уходит из Гатчины. Он переезжает в Ивангород, оттуда в Ревель, затем – в Финляндию.

Так началась эмиграция. 4 июля 1920 года Куприн с женой и дочерью прибыл в Париж.

Писатель чувствовал, что оторванность от родины губительно сказывается на его творчестве. «Прекрасный народ, - заметил он о французах, - но не говорит по-русски, в лавочке и в пивной - всюду не по-нашему... А значит это вот что - поживешь, поживешь, да и писать перестанешь. Есть, конечно, писатели такие, что их хоть на Мадагаскар посылай на вечное поселение - они и там будут писать роман за романом. А мне все надо родное, всякое - хорошее, плохое - только родное». В этом, быть может, и проявилась особенность художественного склада Куприна. Он накрепко, больше даже, нежели И. А. Бунин, Б. К. Зайцев или И. С. Шмелев, был привязан к малым и великим сторонам русского быта, многонационального уклада страны. До конца своих дней Куприн оставался русским патриотом.

Согласно версии советского литературоведения, чуть ли не насильно мобилизованный белыми и оказавшийся в эмиграции по недоразумению Куприн не написал за границей ничего стоящего. На самом деле в годы эмиграции Куприн пишет три большие повести, много рассказов, статей и эссе. Его проза заметно посветлела. Если «Поединок» сводит образ благородного царского офицера почти до уровня офицера современного, то «Юнкера» наполнены духом русской армии, непобедимым и бессмертным. «Я хотел бы, — говорил Куприн, — чтобы прошлое, которое ушло навсегда, наши училища, наши юнкеры, наша жизнь, обычаи, традиции остались хотя бы на бумаге и не исчезли не только из мира, но даже из памяти людей. “Юнкера” — это моё завещание русской молодёжи». Ностальгическими чувствами проникнуты и его рассказы о природе.

В 1937 году к тяжело больному писателю под видом поклонников таланта зачастили советские дипломаты. Уговаривать Куприна вернуться в Советскую Россию посылали в Париж Константина Симонова и других деятелей культуры. Гости рисовали картины удивительного советского быта, рассказывали о невероятной популярности (ещё недавно запрещённых) в СССР произведений Куприна. Уверяли, что передовая советская медицина вылечит писателя от рака. В конце концов, писателя с семьёй уговорили вернуться в Москву,

пообещав помощь в лечении тяжелой болезни. Но в этом фарсе нужен был не Куприн, а факт его возвращения в СССР. Поэтому писателя не лечили. Только через полтора года после приезда по требованию жены ему сделали бесполезную операцию, ускорившую смерть.

В ночь на 25 августа 1938 года Куприн умер после тяжёлой болезни (рак языка). Похоронен писатель в Ленинграде, на Литераторских мостках, рядом с могилой Тургенева.

Рекомендованная литература:

1. **Куприн, А. И.** Золотой петух / А. И. Куприн. - Москва : Современник, 1990. - 63 с. : ил.
2. **Куприн, А. И.** Молох / А. И. Куприн. - Москва : Детская литература, 1978. - 95 с. : ил.
3. **Куприн, А. И.** Белый пудель / А. И. Куприн. - Москва : Детская литература, 2005. - 251 с. : ил. - (Школьная библиотека).
4. **Куприн, А. И.** Гранатовый браслет / А. И. Куприн. - Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2011. - 303 с. - (Классика. Лучшее из великого).
5. **Куприн, А. И.** Избранные сочинения / А. И. Куприн ; авт. предисл. А. С. Мясников ; сост. П. Л. Вячеславов. - Москва : Художественная литература, 1947. - 495 с.
6. **Куприн, А. И.** Капитан / А. И. Куприн // Антология романтики и приключений : сборник в 2 т. - Т. 1 : Приключения на море. - 2004. - 607 с.
7. **Куприн, А. И.** Олеся : [повести] / А. И. Куприн. - Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. - 382 с. - (Классика жанра. Love).
8. **Куприн, А. И.** Повести. Колесо времени / А. И. Куприн. - Москва : Художественная литература, 1976. - 350 с.
9. **Куприн, А. И.** Поединок : повесть / А. И. Куприн ; худож. Д. Дубинский. - Москва : Художественная литература, 1962. - 192 с.

10. **Куприн, А. И.** Принцесса четырех улиц : роман : повесть и рассказы / А. И. Куприн ; сост., авт. примеч. Т. Ф. Прокопов. - Москва : Школа-пресс, 1997. - 640 с. - (Круг чтения : школьная программа).
11. **Куприн, А. И.** Русская классика о любви / А. И. Куприн. - Москва : Русанова, 1993. - 448 с.
12. **Куприн, А. И.** Сочинения : в 2 т. / А. И. Куприн. - Москва : Художественная литература, 1981.
Т. 1 : Повести и рассказы / авт. примеч. О. Н. Михайлов. - 1981. - 350 с.
Т. 2 : Романы и повести - 1981. - 398 с.
13. **Куприн, А. И.** Четверо нищих / А. И. Куприн // Черная курица или подземные жители : сказки русских писателей / сост. В. Муравьев ; худож. А. Бахнова. - Москва : Московский рабочий, 1981. – С. 271-278.
14. **Куприн, А. И.** Юнкера / А. И. Куприн ; сост. В. И. Лосев. - Москва : Вече, 1998. - 576 с. - ("Вече" - классика).
15. **Куприн, А. И.** Яма / А. И. Куприн. - Москва : Эксмо, 2005. - 608 с. - (Русская классика).

Марина Цветаева



*Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно —
Где совершенно одинокой*

*Быть, по каким камням домой
Брести с кошёлкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.*

Цветаева М. И. «Тоска по родине!»

Революцию 1917 года и новый порядок Марина Ивановна Цветаева не приняла. Расстрел царской семьи, смерть младшей дочери от голода, расстрел Николая Гумилева - все эти смерти оказались подтверждением самых худших предчувствий.

Годы Гражданской войны оказались для Цветаевой очень тяжелыми. Ее муж Сергей Эфрон служил в рядах Белой армии. Будучи белым офицером и пережив разгром Деникина, он потерял связь с семьей. Илья Эренбург, поехавший в Европу весной 1921 года, узнал, что муж Цветаевой жив. С большим трудом получив разрешение на выезд из советской России, Цветаева вместе с дочерью Ариадной покинула родину 11 мая 1922 года.

15 мая 1922-го Марина Ивановна с дочерью приехали в Берлин, вскоре переехав в Прагу, где ее муж учился в Карловом университете, получая стипендию, выделенную Министерством иностранных дел Чехословакии. Цветаева с семьей поселилась в пражских пригородах, где быт был примитивен и трудоемок, но отношения с людьми складывались доброжелательные. У семьи Эфронов появилось несколько знакомых эмигрантских семейств, с некоторыми они близко сошлись и дружили вплоть до отъезда Цветаевой в СССР. Цветаева много работала и за год написала 90 стихотворений; Сергей Эфрон начал заниматься редакторской деятельностью и печатать статьи на политические темы. Перебравшись обратно в Прагу, Цветаева увлеклась Константином Родзевичем, но роман закончился через 3 месяца, породив 2 поэмы — «Поэму Горы» и «Поэму Конца». Сергей Эфрон предоставлял жене свободу, но эта история его сломала и, возможно, тогда у него зародилась идея возвращения на родину.

1 февраля 1925 года у Цветаевой родился долгожданный сын, названный Георгием, по-домашнему - Мур. В Праге Марк Слоним ввел Цветаеву в

литературный круг, познакомив с одним из лучших журналов эмиграции «Волей России», который с 1922 по 1931 печатал все, что предлагала Марина Ивановна: «Крысолов», «Попытка комнаты», «Поэма Лестницы», «Поэма Воздуха», «Сибирь» и др. Другими журналами были «Свои пути» и «Ковчег», где Цветаева активно сотрудничала в качестве редактора поэтического отдела. Жизнь была заполнена до краев, но постоянная нехватка денег, чрезмерная нагрузка Сергея Эфрона, и чужеродность для Цветаевой чешского языка и культуры, поставили семью перед трудным выбором. И они выбрали Париж - тогда центр русской зарубежной литературной жизни, где, как полагала Цветаева, она сможет больше печататься и зарабатывать.

1 ноября 1925 года Эфроны приехали в Париж, где стали активно сотрудничать с русскими журналами «Благонамеренный» и «Версты». 23 декабря 1925-го состоялся вечер поэзии Марины Цветаевой. Несмотря на критику и несправедливости, Цветаева нашла отдушину в переписке с новым другом и союзником - Борисом Пастернаком. Кульминация их отношений пришлась на весну и лето 1926 когда, неожиданно для обоих, участником их переписки стал Райнер Мария Рильке. Но встретиться им удалось только в июне 1935-го, когда под давлением Сталина Пастернак приехал в Париж на Международный Конгресс писателей в защиту культуры. Общения не получилось: Борис Леонидович находился в состоянии глубочайшей депрессии, страха, ложности своего положения на Конгрессе, куда его привезли силком.

Осенью 1928 года Цветаева написала открытое письмо Маяковскому, что стало поводом для ее обвинения в просоветских симпатиях, разрыва с ней ряда эмигрантских кругов, и прекращение публикации ее стихотворений. Это было тяжелым материальным ударом. Летом 1933-го хлопотами друзей публикации возобновились, но зачастую ее стихотворения сокращали, подвергали правке, задерживали авансы. Почти ничего из крупных поэтических вещей, написанных Цветаевой в эмиграции, не было напечатано: «Перекоп» и «Поэма о Царской Семье» по политическим причинам, другие были отвергнуты из-за сложившейся ко времени их окончания жизненной ситуации.

В Париже в ноябре 1925 Цветаева закончила поэму «Крысолов» на сюжет средневековой легенде о человеке, избавившем немецкий город Гаммельн от крыс, выманив их звуками своей чудесной дудочки; когда скаредные гаммельнские обыватели отказались заплатить ему, он вывел, наигрывая на той же дудочке, их детей и отвел на гору, где их поглотила разверзшаяся земля. «Крысолов» был опубликован в пражском журнале «Воля России».

В 20-ые годы Цветаева создала еще несколько поэм. Поэма «Новогоднее» (1927) - пространная эпитафия, отклик на смерть немецкого поэта Р. М. Рильке. «Поэма Воздуха» (1927) - художественное переосмысление беспосадочного

перелета через Атлантический океан, совершенного американским авиатором Ч. Линдбергом. Полет летчика у Цветаевой - одновременно символ творческого парения и иносказательное, зашифрованное изображение умирания человека. Была также написана трагедия «Федра», опубликованная в 1928 парижском журнале «Современные записки».

Во Франции были созданы посвященные поэзии и поэтам циклы «Маяковскому» (1930, отклик на смерть В. В. Маяковского), «Стихи к Пушкину» (1931), «Надгробие» (1935, отклик на трагическую смерть поэта-эмигранта Н. П. Гронского), «Стихи сироте» (1936, обращены к поэту-эмигранту А. С. Штейгеру). Творчество как каторжный труд, как долг и освобождение - мотив цикла «Стол» (1933). Антитеза суетной человеческой жизни и божественных тайн и гармонии природного мира выражена в стихотворениях из цикла «Куст» (1934). В 1930-х Цветаева часто обращалась к прозе: автобиографические сочинения, эссе о Пушкине и его произведениях («Мой Пушкин»), «Пушкин и Пугачев».

За 14 лет жизни в Париже Марина Ивановна смогла выпустить одну книгу - «После России. 1922-1925». В поисках заработка она пыталась войти во французскую литературу, занимаясь переводами, но, несмотря на похвалы, напечататься так и не удалось. Иногда устраивались творческие вечера, дававшие немного денег, чтобы поддержать семью и заплатить за квартиру. Сергей Эфрон так и не стал кормильцем семьи: его больше привлекала политика и он все силы отдавал евразийскому издательству в Париже. Когда осенью 1929-го оно развалилось, у Сергея обнаружили туберкулез и только с помощью Красного креста отправили лечиться в Савойю. Помощь друзей, знакомых и незнакомых, наряду с маленькой чешской стипендией, были основным реальным доходом Цветаевой. В середине 1930-х был даже организован «Комитет помощи Марине Цветаевой», в который вошел целый ряд известных писателей.

Цветаева понимала сложность своего положения среди эмигрантов: «Всё меня выталкивает в Россию, в которую я ехать не могу. Здесь я не нужна. Там я невозможна». Сергея Эфрона, особенно в связи с его увлечением идеями евразийства, все больше привлекала мысль о возвращении в Россию. Он считал, что эмигранты виноваты перед родиной, и прощение нужно заслужить сотрудничеством с советскими органами. Так, он стал одним из активных деятелей парижского «Союза возвращения на родину» - организации, родившейся в недрах ОГПУ. В 1932 году вопрос об отъезде был для него уже решен и он стал хлопотать о советском паспорте. Марина Цветаева считала, что ехать никуда не надо: «Той России нету...», но дети были на стороне отца, верили в его правду и видели свое будущее в СССР. Но постепенно и она стала

поддаваться, поскольку ей все чаще отказывали в работе. 15 марта 1937-го Ариадна, получив советский паспорт, уехала в Москву, где устроилась на работу в журнал «Revue de Moscou». Марина Ивановна знала о просоветской деятельности мужа, но она вряд ли была посвящена в его дела: в сентябре 1937 в газетах появились сообщения о его причастности к убийству Игнатия Рейсса, советского чекиста-невозвращенца. Эфрона вызывали в полицию, но после первых вопросов он скрылся и бежал. Остаться во Франции было бессмысленно: эмигрантское сообщество совершенно отвернулось от Эфронов. Оставив большую часть своего архива друзьям, Цветаева вместе с сыном покинула Париж 12 июня 1939-го.

Во второй половине 1930-х Цветаева испытала глубокий творческий кризис. Она почти перестала писать стихи (одно из немногих исключений - цикл *Стихи к Чехии* (1938-1939) - поэтический протест против захвата Гитлером Чехословакии. Неприятие жизни и времени - лейтмотив нескольких стихотворений, созданных в середине 1930-х: «Век мой - яд мой, век мой - вред мой, / Век мой - враг мой, век мой – ад» («О поэте не подумал...», 1934).

Чего можно было ожидать от возвращения в СССР поэту, открыто и категорично отвергавшему революцию и советскую идеологию, воспевавшему Белую армию, принципиально продолжавшему писать дореволюционной орфографией, подчеркивавшему свою ненависть не к коммунизму, а к советским коммунистам и откровенно враждующего с Валерием Брюсовым, "преодоленной бездарностью" и "каменщиком от поэзии", который тогда, по большому счету, верховодил советской литературой? Безысходность ситуации: в эмиграции Цветаева была "поэтом без читателей", в СССР оказалась "поэтом без книги". Почти не выступала, не издавалась. Была возмущена тем, как Москва обращается с ней — с той, чья семья отдала городу три библиотеки, а отец основал Музей изящных искусств.

Марина Ивановна с сыном поселилась на казенной даче НКВД в Болшеве под Москвой, где уже жили Сергей Яковлевич и Ариадна. На даче жила еще одна семья таких же «возвращенцев». Однако прожили они там недолго - 27 августа арестовали дочь, а 10 октября - мужа. Вскоре Сергея Яковлевича расстреляли как французского шпиона, а Ариадна провела 16 лет в сталинских лагерях. В этот период Марина Ивановна практически не писала стихов. С началом войны Цветаева уехала в Елабугу, где она не нашла работы. В воскресенье 31 августа 1941-го, когда дома никого не было, Марина Ивановна покончила с собой. После ее смерти было найдено 3 записки: сыну, семье друга - поэта Николая Асеева, и тем, кто будет хоронить.

Рекомендованная литература:

1. **Цветаева, М. И.** Собрание сочинений : в 7 т. / М. И. Цветаева. - Москва : Эллис Лак, 1994.
Т. 1 : Стихотворения. - 1994. - 400 с.
Т. 2 : Стихотворения, переводы. - 1994. - 590 с.
Т. 5 : Автобиографическая проза, статьи, эссе. - 1994. - 590 с.
Т. 6 : Письма. - 1994. - 800 с.
2. **Цветаева, М. И.** Малое собрание сочинений / М. И. Цветаева. - Санкт-Петербург : Азбука, 2011. - 862 с.
3. **Цветаева, М. И.** Сочинения : в 2 т. / М. И. Цветаева. - Москва : Художественная литература, 1988.
Т. 1 : Стихотворения 1908-1941 ; Поэмы ; Драматические произведения. - 1988. - 720 с.
Т. 2 : Проза ; Письма. - 1988. - 639 с.
4. **Цветаева, М. И.** Записные книжки и дневниковая проза : рассказы / М. И. Цветаева. - Москва : Захаров, 2002. - 400 с.
5. **Цветаева, М. И.** Звали меня Мариной : стихи / М. И. Цветаева. - Москва : Эксмо, 2008. - 480 с. - (Всемирная библиотека поэзии).
6. **Цветаева, М. И.** Избранное / М. И. Цветаева. - Смоленск : Русич, 2002. - 592 с. - (Библиотека поэзии). - алф. указ.: с. 567-579.
7. **Цветаева, М. И.** Лирика / М. И. Цветаева. - Москва : Эксмо, 2010. - 383 с. - (Стихи любимым).
8. **Цветаева, М. И.** Не женщина - ветер! [Видеозапись] / М. И. Цветаева. - Москва : Кинокомпания АМА, 2007. - 1 эл. опт. диск (DVD-ROM) : цв., зв. (50 мин.).
9. **Цветаева, М. И.** Об искусстве / М. И. Цветаева ; сост. Л. А. Озеров, Л. А. Мнухин. - Москва : Искусство, 1991. - 479 с.
10. **Цветаева, М. И.** Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / М. И. Цветаева. - Москва : Альфа-книга, 2008. - 1214 с. : ил. - (Всемирная библиотека поэзии).

11. **Цветаева, М. И.** Поручаю ветру : стихотворения / М. И. Цветаева. - Москва : Летопись, 1998. - 556 с. : ил. - (Мир поэзии).
12. **Цветаева, М. И.** Проза / М. И. Цветаева. - Москва : Современник, 1989. - 590 с.
13. **Цветаева, М. И.** Стихотворения / М. И. Цветаева. - Москва : Эксмо, 2006. - 480 с. - (Всемирная библиотека поэзии).
14. **Цветаева, М. И.** Стихотворения и поэмы : поэзия / М. И. Цветаева. - Москва : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. - 863 с.
15. **Цветаева, М. И.** Театр / М. И. Цветаева. - [Б. м.] : Искусство, 1988. - 382 с.

О ней:

16. **Ваняшова, М. Г.** Марина Ивановна Цветаева // Русская литература. XX век: Биографии : большой учеб. справ. для школьников и поступающих в вузы / сост. В. В. Агеносов, П. В. Басинский, М. Г. Ваняшова. - Москва : Дрофа, 2000. – С. 277-296.
17. **Небесная арка:** Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / сост. : К. Азадовский. - Санкт-Петербург : Акрополь, 1992. - 383 с.
18. **Поликовская, Л.** Тайна гибели Марины Цветаевой / Л. Поликовская. - Москва : Эксмо : Яуза, 2009. - 286 с. - (Тайны и трагедии великих поэтов).
19. **Шевеленко, И. Д.** «Бывают странные сближенья». Пушкин в творческом мире Цветаевой 1930-х годов / И. Д. Шевеленко // Пушкин и культура русского зарубежья : Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию со дня рождения, 1-3 июля 1999 г. / сост. Васильева М. А. - Москва : Русский путь, 2000. - С. 49-63.
20. **Эфрон, А. С.** О Марине Цветаевой : воспоминания дочери / А. С. Эфрон ; ред. М. Я. Малхазова. - Москва : Советский писатель, 1989. – 238 с.

Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский



Квартира Мережковских в Париже в течение пятнадцати лет была одним из средоточий эмигрантской культурной жизни. На "воскресенья" у Мережковских собирался русский интеллектуальный Париж

Юрий Терапиано «Д. С. Мережковский»

Союз Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус — самый известный творческий тандем в истории русской культуры «серебряного века». Современники отмечали, что супруги составляли единое целое, были неотделимы друг от друга. Сами Мережковские признавались, что часто не улавливали, кому именно из них принадлежит начало той или иной идеи. Они прожили вместе, как писала Гиппиус в своих мемуарах, «52 года, не разлучившись ни на один день».

Чета Мережковских восприняла Февральскую революцию 1917 года оптимистично: они полагали, что только «честная революция» может покончить с войной, а «установление демократии даст возможность расцвета идей свободы (в том числе и религиозной) перед лицом закона». Не входя ни в одну из политических партий, Мережковский имел контакты со всеми, за исключением социал-демократической; Временное правительство он воспринимал как «вполне близкое».

Октябрьские события вызвали яростный протест Мережковского. Он истолковал происшедшее как разгул «хамства», торжество «надмирного зла». В конце 1917-го Мережковский выступил с антибольшевистскими лекциями и статьями.

В январе 1918 года квартира Мережковских стала местом конспиративных заседаний эсеровской фракции.

В 1919 году Мережковский вынужден был начать сотрудничество с горьковским издательством «Всемирная литература», где стал получать паёк и заработок. Спасаясь от голода, супруги распродали всё, что могли, включая одежду и посуду. Описывая массовые расстрелы интеллигенции, дворянства и духовенства, Мережковский замечал в «Записной книжке»: «А в Европе гадают, возможна или невозможна постепенная эволюция от человеческой мясорубки к свободе, равенству и братству».

Когда генерал Юденич подходил к Петрограду, Мережковские ещё надеялись на свержение большевистской власти, но узнав о поражении Колчака

и Деникина, решили бежать из России. «Их роль в культурной жизни столицы и влияние на прогрессивную часть столичной интеллигенции были исчерпаны. Не желая приспособляться к большевистскому режиму, они решили искать в Европе ту свободу, которая была попорана на родине», — писала американская исследовательница жизни и творчества Мережковского Темира Пахмусс.

В декабре 1919 года, комментируя предложение произнести речь в день годовщины восстания декабристов на торжественном празднике, устроенном в Белом зале Зимнего дворца, Мережковский писал в дневнике: «Я должен был прославлять мучеников русской свободы пред лицом свободоубийц». Он вместе с женой покинул Петроград как раз в день ожидавшегося от него выступления.

Сначала писатель подал заявление в Петроградский совет с просьбой разрешить «по болезни» выехать за границу, на что получил категорический отказ. В итоге, получив мандат на чтение лекций красноармейцам по истории и мифологии древнего Египта, в ночь 24 декабря 1919 года чета Мережковских, их друг и сподвижник Д. В. Философов и секретарь Гиппиус студент филологического факультета Петербургского университета В. А. Злобин, покинули Петроград.

Через Бобруйск все четверо выехали в Минск, где своим появлением привлекли внимание польской шляхты и русских эмигрантов. Мережковские прочли несколько лекций и опубликовали антибольшевистские статьи в газете «Минский курьер». В начале февраля 1920 года они выехали в Вильно, где провели в Городском зале две лекции, а оттуда в Варшаву. Здесь, получив от издателя Бонье крупный аванс, писатель приступил к работе над книгой о России и большевиках, погрузившись одновременно в антикоммунистическую деятельность Русского комитета в Польше. В июле он приступил к редактированию газеты «Свобода», в которой активное участие приняла и З. Н. Гиппиус, ставшая редактором литературного отдела.

Летом Б. Савинков привлёк Мережковских и Философова к работе в Русском эвакуационном комитете, который фактически являлся военно-мобилизационной структурой для формирования белогвардейских частей. 25 июня 1920 года Мережковский встретился в Бельведере с президентом Пилсудским. От имени Комитета он опубликовал «Воззвание к русской эмиграции и русским людям», в котором призвал не сражаться с воюющей польской армией, более того, присоединиться к ней.

Поняв, что «миссия» их, состоявшая, прежде всего, в попытке убедить польское правительство отказаться от перемирия с большевиками, провалилась, Мережковские и Злобин 20 октября 1920 года выехали из страны. В.

Философов остался в Варшаве с Савинковым, возглавив отдел пропаганды в Русском национальном комитете Польши.

После недолгой остановки в Висбадене, Мережковские прибыли в Париж, где расположились в долгие годы пустовавшей квартире, которую Гиппиус купила еще в 1911 году. Здесь в конце 1920 года Мережковский создал антикоммунистический «Религиозный союз» (впоследствии — «Союз непримиримых»), а 16 декабря выступил с лекцией «Большевизм, Европа и Россия». Согласно Мережковскому, в России «настало царство Антихриста».

В Париже Мережковские начали сотрудничать с журналом «Современные записки», газетами «Последние новости» (П. Н. Милюков) и «Возрождение» (П. Б. Струве), но взаимопонимания с этими редакциями у них не возникло. Мережковские не вошли ни в один эмигрантский кружок: их взгляды не находили отклика ни у правых, ни у левых. С одной стороны, они хоть и призывали к военной интервенции в Россию, но не поддерживали «реставраторства», что отталкивало от них апологетов белой идеи, с другой — их непримиримость к большевикам и происшедшему в России идейно развела их с левыми.

Практически единственным безоговорочным союзником Мережковского в эти годы был И. А. Бунин: по многим вопросам с ним они выступали единым фронтом, в частности, призывая ПЕН-клуб прекратить контакты с советскими писателями. Бунин и Мережковский провели переговоры с французскими политиками, лоббировавшими интересы эмиграции, и добились выделения пособий русским писателям-эмигрантам.

В январе 1921 года в Париже прошло совещание членов Учредительного собрания в эмиграции, к «примирительным» заявлениям последнего Мережковский отнёсся враждебно.

В эти дни Мережковские близко сошлись с бывшим революционером-народником Н. В. Чайковским, в издательстве которого («Русская земля») был переиздан роман Мережковского «14 декабря». В 1921 году в Висбадене писатель вернулся к работе над материалами по Древнему миру, в частности, — книгой «Тайна Трех. Египет и Вавилон».

В прессе Мережковский полемизировал с газетой «Накануне» и А. Н. Толстым, ратовавшими за возвращение эмигрантов на родину и примирение их с большевиками.

В 1922 году Мережковский (при посредстве П. Б. Струве) установил контракт с чешским политиком К. П. Крамаржем, что впоследствии обеспечило денежную помощь от чешского правительства крупнейшим русским писателям-эмигрантам).

В 1924 году Мережковский принял участие в собрании писателей «Миссия русской эмиграции» (наряду с И. А. Буниным, А. В. Карташевым, И. С. Шмелевым), выступив с речью «Слова немых», представителями «левой эмиграции» осуждённой.

Мережковский и Гиппиус стали инициаторами создания, а затем и активными участниками литературно-философского общества «Зелёная лампа» (1927-1939); последнее зародилось зимой 1925 года как «литературные воскресники», но быстро стало одним из центров интеллектуальной жизни русского Парижа.

О русской диаспоре Мережковский отзывался так: «Мы — воплощенная критика России, как бы от нее отошедшая мысль и совесть, суд над нею, настоящей, и пророчество о ней, будущей». При этом Мережковские болезненно переживали свою отчуждённость от родины.

В сентябре 1928 года Мережковские приняли участие в Первом съезде русских писателей-эмигрантов, организованном в Белграде королем Югославии Александром I Карагеоргиевичем. Тогда же сербский монарх наградил писателя орденом Святого Саввы первой степени за заслуги перед культурой.

В 1932 начались задержки с выплатами пособий русским писателям-эмигрантам от Чехии, Сербии и Франции. Материальное положение Мережковских сильно ухудшилось («Мы обнищали до полной невозможности», — писала Гиппиус Амфитеатрову). В мае 1932 года Мережковский с женой отправились во Флоренцию по приглашению общества «Alta Cultura» и клуба Леонардо да Винчи. Лекции писателя о великом художнике прошли с огромным успехом. 16 мая во дворце Строщи был дан обед в честь Мережковского. Однако, вернувшись в Париж, супруги вновь погрузились в бедность.

В 1934 году бывший президент Франции Гастон Думерг образовал правительство «Национального единства»; Мережковским это показалось началом «новой социалистической революции» во Франции. После того, как во главе его стал социалист Л. Блюм, Мережковские, Бунин и другие «правые» русские эмигранты восприняли это как знак близкой катастрофы. Супруги по приглашению Б. Муссолини приехали в Италию и провели здесь три года, временами возвращаясь в Париж, где Мережковский стал на некоторое время парижским редактором еженедельника «Меч» (варшавским его соредктором был Философов).

В эмиграции жанровые предпочтения Мережковского вновь радикальным образом изменились. Художественная литература из его творчества оказалась вытеснена произведениями в жанре религиозно-философского трактата и биографическими эссе («Наполеон», «Данте»). Характер философских

исследований имели и его романы «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» и «Мессия». Сам писатель в 1925 году говорил о своих исторических сочинениях: «Большинство считает, что я исторический романист, и это глубоко неправильно; в прошлом я ишу будущее... Настоящее кажется мне иногда чужбиною. Родина моя — прошлое и будущее».

«Иисус Неизвестный» - книга, многими рассматриваемая как центральная из всех, что Мережковский написал в эмиграции, завершила трилогию о путях спасения человечества. Первая часть вышла в Праге в 1925 году под названием «Тайна трех: Египет и Вавилон», вторая — в Берлине в 1930 году как «Тайна Запада: Атлантида-Европа». Как отмечали исследователи, для последних работ Мережковского было характерно ощущение катастрофичности современного мира, которому грозит участь «новой Атлантиды».

Как писал Е. Евтушенко, в эмиграции Мережковский, «постепенно выпав из центра споров... стал трагически маргинален». «Нет сейчас русского писателя более одинокого, чем Мережковский... Мережковского почти “замолчали”, потому что о нем нельзя говорить, не касаясь самых основных, самых жгучих и “проклятых” вопросов земного бытия», — замечал Георгий Адамович.

Между тем, начиная с 1930 года, профессор славянских языков Лундского университета Сигурд Агрелл начал настойчиво выдвигать в соискатели литературной Нобелевской премии сразу двух русских писателей: Мережковского и Бунина. Второй из них неизменно пользовался большей поддержкой номинаторов. В ноябре 1932 года Гиппиус в письме В. Н. Буниной выразила мнение, что Нобелевский комитет не приемлет кандидатуры Мережковского «из-за его антикоммунизма», и что шансы Бунина поэтому предпочтительнее. Действительно, 1933 году Нобелевскую премию получил Бунин.

Среди религиозно-философских сочинений, написанных Мережковским в годы эмиграции, исследователи выделяют «Павел. Августин» (Берлин, 1936), «Св. Франциск Ассизский» (Берлин, 1938) и «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа» (Берлин, 1938), вышедшие под общим заголовком «Лица святых от Иисуса к нам». В тридцатые годы Мережковский перевёл также на русский язык сочинения Еврипида, Софокла, Гете, Э. А. По.

Посмертно на французском языке была издана трилогия Мережковского «Реформаторы», в которую вошли книги о Лютере, Кальвине и Паскале. Перед самой смертью Мережковский завершил свою последнюю трилогию об «испанских тайнах»: «Испанские мистики. Св. Тереза Иисуса», «Св. Иоанн Креста» и «Маленькая Тереза».

Творчество Мережковского в эмиграции вызывало противоречивые отклики. Современные исследователи в большинстве своём считают, что именно во Франции писатель достиг своего творческого пика.

Начало Второй мировой войны супруги встретили в Париже. Незадолго до этого Мережковский передал Л. М. Лифарю рукопись эссе «Тайна русской революции». Летом американская киностудия «Paramount» и французская «Association des Auteurs de Films» приняли к постановке сценарий Мережковского «Жизнь Данте», но из-за начала войны съемки не состоялись. 9 сентября, опасаясь бомбардировок, Мережковские, вместе с десятками тысяч парижан выехали из Парижа и поселились в Биаррице на юге Франции. Проведя здесь три месяца (в обществе Георгия Иванова и Ирины Одоевцевой, французских и английских военных), они вернулись в столицу, где провели зиму и весну 1940 года.

В начале июня начались бомбардировки Парижа, супруги вновь «эвакуировались» в Биарриц, но 27 июня сюда вошли гитлеровцы, и осенью Мережковские вернулись в столицу, где некоторое время вынуждены были ночевать у знакомых и жить в приюте для беженцев. 14 августа 1940 года в Биаррице прошло чествование Мережковского по случаю его 75-летия. Торжество принесло юбиляру и 7 тысяч франков: это позволило супругам снять виллу «El Secret». Здесь писатель успел завершить «Святого Иоанна Креста» и сразу же начал работать над «Святой Терезой Авильской» и «Маленькой Терезой».

Летом 1941-го, вскоре после нападения Германии на СССР Мережковский выступил по германскому радио, в котором призвал к борьбе с большевизмом и сравнил Гитлера с Жанной д'Арк, «призванной спасти мир от власти дьявола» (обстоятельства этого события вызвали позже споры и разночтения). Гиппиус, узнав об этом радиовыступлении, была не только расстроена, но даже напугана; первой её реакцией стали слова «это конец». Она не ошиблась: этой радиоречи Мережковскому не простили. Последние годы супруги вели трудную и бедную жизнь. Заклейменный русской эмиграцией за германофильство, писатель оказался в общественной изоляции.

Вести о зверствах гитлеровских войск в России заставили Мережковского усомниться в своем выборе; незадолго до смерти он, по свидетельству близкого к кругу З. Гиппиус поэта В. Мамченко, осуждал Гитлера.

Последние месяцы жизни Мережковский непрерывно работал: прочёл публичные лекции о Леонардо да Винчи и Паскале, пытался прочесть доклад о Наполеоне, но он был запрещён оккупационными властями. К июню 1941 года у Мережковских кончились деньги: выселенные из виллы за неуплату, они сняли на лето меблированные комнаты. В сентябре, одолжив деньги у

знакомых, супруги вернулись в парижскую квартиру. Истощенный физически и морально, Мережковский до последних дней пытался работать над «Маленькой Терезой», но она так и осталась неоконченной.

Дмитрий Сергеевич скоропостижно скончался 7 декабря 1941 года от кровоизлияния в мозг. 10 декабря состоялись отпевание в православном храме Святого Александра Невского на улице Дарю и похороны на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа; здесь присутствовало лишь несколько человек, а могильный памятник был поставлен на пожертвования французских издателей.

Вдова писателя посвятила свои последние годы работе над биографией покойного мужа; но закончить ее не успела. Зинаида Николаевна Гиппиус умерла 9 сентября 1945, пережив Мережковского на четыре года, и была похоронена под одним надгробием с мужем.

Рекомендованная литература:

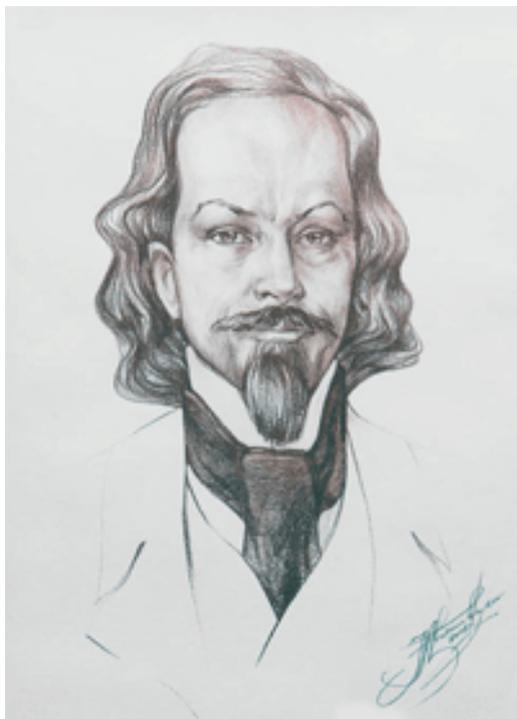
1. **Гиппиус, З. Н.** Собрание сочинений / З. Н. Гиппиус. - Москва : Русская книга, 2001 - 2002.
Т. 1 : Новые люди : романы, рассказы. - 2001. - 544 с.
Т. 2 : Сумерки духа : роман : повести : рассказы : стихотворения. - 2001. - 560 с.
Т. 3 : Алый меч : роман, рассказы. - 2001. - 576 с.
Т. 4 : Лунные муравьи : рассказы : пьесы. - 2001. - 528 с
Т. 5 : Чертова кукла : роман, рассказы. - 2002. - 496 с
2. **Гиппиус, З. Н.** Сочинения / З. Н. Гиппиус. - Ленинград : Художественная литература, 1991. - 572 с.
3. **Гиппиус, З. Н.** Живые лица / З. Н. Гиппиус ; вступ. ст. А. Николюкин. - Москва : Олма-пресс, 2002. - 448 с. : ил.
4. **Гиппиус, З. Н.** Опыт свободы / З. Н. Гиппиус ; сост., авт. предисл., авт. примеч. Н. В. Королева. - Москва : Панорама, 1996. - 523 с.
5. **Гиппиус, З. Н.** Чертова кукла / З. Н. Гиппиус. - Москва : Современник, 1991. - 588 с.
6. **Гиппиус, З. Н.** Яблони цветут ; Кабан ; Мечь ; Слишком ранние ; Вымысел : вечерний рассказ ; На веревках ; Святая плоть / З. Н. Гиппиус // Новелла серебряного века / сост., авт. примеч. Т. Берегулева-Дмитриева. - Москва : Терра-Терра, 1994. – С. 431-558.

7. **Мережковский, Д. С.** Собрание сочинений : в 4 т. / Д. С. Мережковский ; сост., ред. О. Н. Михайлов. - Москва : Правда, 1990. - (Библиотека "Огонек").
Т. 1. - 1990. - 592 с.
Т. 2. - 1990. - 766 с.
Т. 3. - 1990. - 558 с.
Т. 4. - 1990. - 671 с.
8. **Мережковский, Д. С.** Александр Первый : роман / Д. С. Мережковский ; худож. Н. Громов. - Тула : Пересвет ; Нижний Новгород : Фрегат, 1993. - 446 с. : ил. - (Русский исторический роман).
9. **Мережковский, Д. С.** Вечные спутники : роман ; Стихотворения ; Литературные портреты ; Дневник / Д. С. Мережковский ; сост., авт. примеч. Т. Прокопов, авт. предисл. Н. Солнцева. - Москва : Школа-пресс, 1996. - 735 с. - (Круг чтения : Школьная программа).
10. **Мережковский, Д. С.** Данте . Наполеон / Д. С. Мережковский ; сост., авт. предисл. А. Н. Николюкин, О. А. Коростелев. - Москва : Республика, 2000. - 542 с.
11. **Мережковский, Д. С.** Лица святых: от Иисуса к нам / Д. С. Мережковский ; авт. послесл. О. А. Коростелев. - Москва : Республика, 1997. - 366 с.
12. **Мережковский, Д. С.** Христос и Антихрист : трилогия / Д. С. Мережковский. - Москва : Книга, 1989 - 1990.
Т. 1 : Смерть богов (Юлиан Отступник). - 1989. - 416 с.
Т. 2 : Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) : ч. 1. - 1990. - 395 с.
Т. 3 : Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) : ч. 2. - 1990. - 395 с.
Т. 4 : Антихрист (Пётр и Алексей). - 1990. - 638 с.
13. **Мережковский, Д. С.** Четырнадцатое декабря / Д. С. Мережковский. Царь и поручик / К. А. Большаков. Скиф в Европе / Р. Б. Гуль. Николай / В. А. Соснора ; Д. С. Мережковский. - Москва : Армада, 1994. - 717 с. : ил. - (Романовы. Династия в романах).

О них:

14. **Белый, А.** Мережковский / А. Белый // Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2-х т. – М. : Искусство, 1994. - Т. 1. – С. 325-334.
15. **Рассадин, С. Б.** Такое разное серебро / С. Б. Рассадин // Русская литература: от Фонвизина до Бродского / С. Б. Рассадин. - Москва : Слово/slovo, 2001. – С. 184-200

Константин Бальмонт



*Я был в России. Грачи кричали.
Весна дышала в мое лицо.
Зачем так много в тебе печали?
Нас обвенчали. Храни кольцо.*

*Я был повсюду. Опять в России.
Опять тоскую. И снова нем.
Поля седые. Поля родные.
Я к вам вернулся. Зачем? Зачем?*

*Кто хочет жертвы? Ее несу я.
Кто хочет крови? Мою пролей.
Но дай мне счастья и поцелуя.
Хоть на мгновенье. Лишь с ней. С моей.*

К. Бальмонт «Лишь с ней»

Бальмонт приветствовал Февральскую революцию, начал сотрудничать в Обществе пролетарских искусств, но вскоре разочаровался в новой власти и присоединился к партии кадетов, требовавшей продолжения войны до победного конца. В одном из номеров газеты «Утро России» он приветствовал деятельность генерала Лавра Корнилова.

Поэт категорически не принял Октябрьскую революцию, которая заставила его ужаснуться «хаосу» и «урагану сумасшествия» «смутных времён» и пересмотреть многие свои прежние взгляды. Будучи сторонником абсолютной свободы, он не принимал диктатуру пролетариата, которую считал «уздой на свободном слове».

Эти годы Бальмонт жил в Петрограде с Е. К. Цветковской, своей третьей женой, и дочерью Миррой, время от времени приезжая в Москву к бывшей жене Е. А. Андреевой и дочери Нине. Вынужденный таким образом содержать две семьи, Бальмонт бедствовал, отчасти ещё и из-за нежелания идти на компромисс с новой властью. Когда на литературной лекции кто-то подал Бальмонту записку с вопросом, отчего тот не издаёт своих произведений, последовал ответ: «Не хочу... Не могу печатать у тех, у кого руки в крови».

В 1920 году вместе с женой и дочерью поэт переехал в Москву. По отношению к власти Бальмонт держался лояльно: работал в Наркомпросе, готовил к изданию стихи и переводы, читал лекции. Первого мая 1920 года в

Колонном зале Дома Союзов в Москве он прочёл своё стихотворение «Песнь рабочего молота», на следующий день приветствовал стихами артистку М. Н. Ермолову на её юбилейном вечере в Малом театре. В том же году московскими литераторами было устроено чествование Бальмонта, отмечавшее тридцатилетие со дня выхода его первого, «ярославского», поэтического сборника. В начале 1920 года поэт начал хлопоты о поездке за границу, ссылаясь на ухудшение здоровья жены и дочери. К этому времени относится начало долгой и прочной дружбы Бальмонта с Мариной Цветаевой, которая в Москве пребывала в сходном, очень тяжёлом положении.

Получив разрешение временно выехать за границу в командировку, Бальмонт вместе с женой, дочерью 25 мая 1920 года навсегда покинул Россию и через Ревель добрался до Парижа. Переезд спас Бальмонта от голодной смерти: тот нищенствовал и голодал в холодной Москве.

В Париже Бальмонт с семьёй поселились в маленькой мебелированной квартире. Как вспоминала Тэффи, «окно в столовой было всегда завешено толстой бурой портьерой, потому что поэт разбил стекло. Вставить новое стекло не имело никакого смысла, — оно легко могло снова разбиться. Поэтому в комнате было всегда темно и холодно.

Поэт сразу же оказался меж двух огней. С одной стороны, радикальное эмигрантское сообщество заподозрило в нём сочувствующего Советам. Положение поэта невольно «усугубил» Луначарский, в московской газете опровергший слухи о том, что тот ведёт за границей агитацию против советской власти. Впрочем, и сам поэт, ходатайствуя из Франции за русских писателей, дожидавшихся выезда из России, допустил фразы, не осуждавшие положение дел в Советской России: «Всё, что совершается в России, так сложно и так перепутано», намекнув и на то, что многое из того, что делается в «культурной» Европе, ему также глубоко противно.

С другой стороны, советская пресса начала «клеить его как лукавого обманщика», который «ценою лжи» добился для себя свободы, злоупотребил доверием Советской власти, великодушно отпустившей его на Запад «для изучения революционного творчества народных масс».

Как писал впоследствии Ю. К. Терапиано, «не было в русском рассеянии другого поэта, который столь же остро переживал оторванность от России». Эмиграцию Бальмонт называл «жизнью среди чужих», хоть и работал при этом необыкновенно много; только в 1921 году вышло шесть его книг. В эмиграции Бальмонт активно сотрудничал с газетой «Парижские новости», журналом «Современные записки», многочисленными русскими периодическими изданиями, выходивших в других странах Европы. Отношение его к Советской России оставалось неоднозначным, но постоянной была тоска по России: «Я

хочу России... пусто, пусто. Духа нет в Европе», — писал он бывшей жене Е. Андреевой в декабре 1921 года. Тяжесть оторванности от родины была усугублена и ощущением одиночества, отчуждённости от эмигрантских кругов.

Вскоре Бальмонт выехал из Парижа и поселился в местечке Капбретон в провинции Бретань, где провёл 1921—1922 годы. В 1924 году он жил в Нижней Шаранте (Шателейон), в 1925 году — в Вандее (Сен-Жиль-сюр-Ви), до поздней осени 1926 года — в Жиронде (Лакано-Океан). В начале ноября 1926 года, покинув Лакано, Бальмонт с женой отправились в Бордо. Бальмонт часто снимал виллу в Капбретоне, где общался со многими русскими и жил с перерывами до конца 1931 года, проводя здесь не только летние, но и зимние месяцы.

Принято считать, что эмиграция прошла для Бальмонта под знаком упадка; это мнение, разделявшееся многими русскими поэтами-эмигрантами, впоследствии не раз оспаривалось. В разных странах Бальмонт в эти годы опубликовал книги стихов «Дар Земле», «Светлый час» (1921), «Марево» (1922), «Моё — ей. Стихи о России» (1923), «В раздвинутой дали» (1929), «Северное сияние» (1933), «Голубая подкова», «Светослужение» (1937). В 1923 году он выпустил книги автобиографической прозы «Под новым серпом» и «Воздушный путь», в 1924-м издал книгу воспоминаний «Где мой дом?» (Прага, 1924), написал документальные очерки «Факел в ночи» и «Белый сон» о пережитом зимой 1919 года в революционной России. Бальмонт совершал продолжительные лекционные турне по Польше, Чехословакии и Болгарии, летом 1930 года совершил поездку в Литву, параллельно занимаясь переводами западнославянской поэзии, но основной темой произведений Бальмонта в эти годы оставалась Россия: воспоминания о ней и тоска по утраченному.

«Я хочу России. Я хочу, чтобы в России была преображающая заря. Только этого хочу. Ничего иного», — писал он Е. А. Андреевой. Поэта тянуло обратно в Россию, и он, склонный поддаваться сиюминутному настроению, не раз высказывал в 1920-е годы желание вернуться на родину. «Я живу и не живу, живя за границей. Несмотря на все ужасы России, я очень жалею, что уехал из Москвы», — писал он поэту А. Б. Кусикову 17 мая 1922 года. В какой-то момент Бальмонт был близок к тому, чтобы совершить этот шаг. «Я совсем было решил вернуться, но опять всё в душе спуталось», — сообщал он Е. А. Андреевой 13 июня 1923 года. «Ты почувствуешь, как я всегда люблю Россию и как мысль о нашей природе владеет мною. <...> Одно слово “брусника” или “донник” вызывает в моей душе такое волнение, что одного слова достаточно, чтоб из задрожавшего сердца вырвались стихи», — писал поэт 19 августа 1925 года дочери Нине Бруни, посылая ей новые стихотворения.

К концу 1920-х годов жизнь К. Бальмонта и Е. Цветковской становилась всё труднее. Литературные гонорары были мизерными, финансовая поддержка, которая исходила в основном от Чехии и Югославии, создавших фонды помощи русским писателям, стала нерегулярной, затем прекратилась. Поэту приходилось заботиться и о трёх женщинах, причём дочь Мирра, отличавшаяся крайней беззаботностью и непрактичностью, доставляла ему массу хлопот. «Константин Дмитриевич — в очень трудном положении, едва сводит концы с концами... Имейте в виду, что наш славный Поэт бьётся от нужды действительной, приходившая ему из Америки помощь — кончилась... Дела Поэта всё хуже, хуже», — писал И. С. Шмелёв В. Ф. Зеелеру, одному из немногих, кто регулярно оказывал Бальмонту помощь.

Положение сделалось критическим после того, как в 1932 году стало ясно, что поэт страдает серьёзным психическим заболеванием. С августа 1932 по май 1935 года Бальмонты безвыездно жили в Кламаре под Парижем, в бедности. Весной 1935 года Бальмонт попал в клинику. «Мы в беде великой и в нищете полной... И у Константина Дмитриевича нет ни ночной рубашки приличной, ни ночных туфель, ни пижамы. Гибнем, дорогой друг, если можете, помогите, посоветуйте...», — писала Цветковская Зеелеру 6 апреля 1935 года. Невзирая на болезнь и бедственное положение, поэт сохранил прежние эксцентричность и чувство юмора.

В апреле 1936 года парижские русские литераторы отметили пятидесятилетие писательской деятельности Бальмонта творческим вечером, призванным собрать средства в помощь больному поэту. В комитет по организации вечера под названием «Поэту — писатели» вошли известные деятели русской культуры: И. С. Шмелёв, М. Алданов, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, А. Н. Бенуа, А. К. Гречанинов, П. Н. Милюков, С. В. Рахманинов.

В конце 1936 года Бальмонт и Цветковская перебрались в Нуази-ле-Гран под Парижем. Последние годы жизни поэт пребывал попеременно то в доме призрения для русских, который содержала М. Кузьмина-Караваева, то в дешёвой меблированной квартире. Как вспоминал Юрий Терапиано, «немцы относились к Бальмонту безразлично, русские же гитлеровцы попрекали его за прежние революционные убеждения». Впрочем, к этому моменту Бальмонт окончательно впал в «сумеречное состояние»; поездки в Париж давались ему все тяжелее. В часы просветления, когда душевная болезнь отступала, Бальмонт, по воспоминаниям знавших его, с ощущением счастья открывал том «Войны и мира» или перечитывал свои старые книги. Писать он уже давно не мог.

В 1940-1942 годах Бальмонт не покидал Нуази-ле-Гран; здесь, в приюте «Русский дом», он и скончался ночью 23 декабря 1942 года от воспаления

лёгких. Его похоронили на местном католическом кладбище, под надгробной плитой из серого камня с надписью: «Constantin Valmont, poète russe» («Константин Бальмонт, русский поэт»). Из Парижа попрощаться с поэтом приехали несколько друзей и знакомых и дочь Мирра.

Рекомендованная литература:

1. **Бальмонт, К. Д.** Автобиографическая проза / К. Д. Бальмонт ; сост., авт. предисл., авт. примеч. А. Д. Романенко. - Москва : Алгоритм, 2001. - 608 с. - (Серебряный век).
2. **Бальмонт, К. Д.** Избранное / К. Д. Бальмонт ; сост., авт. предисл., авт. примеч. Е. В. Иванова. - Москва : Советская Россия, 1989. - 592 с. - (Библиотечная серия).
3. **Бальмонт, К. Д.** Стихотворения / К. Д. Бальмонт. - Москва : Профиздат, 2009. - 239 с. - (Поэзия XX века).

О нем:

4. **Белый, А.** Бальмонт / А. Белый // Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2-х т. – М. : Искусство, 1994. - Т. 1. – С 366-374.
5. **Рассадин, С. Б.** Такое разное серебро / С. Б. Рассадин // Русская литература: от Фонвизина до Бродского / С. Б. Рассадин. - Москва : Слово/slovo, 2001. – С. 184-200.

Владимир Набоков



«Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию. ...Моя голова разговаривает по-английски, моё сердце — по-русски, и моё ухо — по-французски».

Из интервью В. Набокова журналу "Life" в 1964 году

Революция 1917 года заставила семью Набоковых (Владимиру тогда было 18 лет) перебраться в Крым, а затем, в 1919 году, эмигрировать из России. Некоторые из семейных драгоценностей удалось вывезти с собой, и на эти деньги семья

Набоковых жила в Берлине, в то время как Владимир получал образование в Кембриджском университете (Тринити-колледж), где он продолжает писать русские стихи и переводит на русский язык «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла. В Кембриджском университете Набоков основал Славянское общество, впоследствии переродившееся в Русское Общество Кембриджского университета.

В марте 1922 года был убит отец Владимира Набокова Владимир Дмитриевич Набоков. Это произошло на лекции П. Н. Милюкова «Америка и восстановление России» в здании Берлинской филармонии. В. Д. Набоков попытался нейтрализовать стрелявшего в Милюкова радикала, но был застрелен его напарником.

Весной 1919 года красные ворвались в Крым, и 15 апреля под грохот артиллерийского обстрела Набоковы отплыли из Севастополя на небольшом греческом пароходе, чтобы навсегда оставить Россию.

Константинополь – Париж – Лондон, такой маршрут проделала семья Набоковых, прежде чем осесть, наконец, в Берлине. Старших сыновей, Владимира и Сергея, направили в Кембридж, чтобы закончить образование. 1 октября Владимир Набоков стал студентом Тринити-колледжа (Trinity-college) - колледжа Святой Троицы. Именно там начались у него первые приступы мучительной ностальгии, преследовавшей его всю жизнь. «Настоящая история моего пребывания в английском университете есть история моих потуг удержать Россию», – вспоминал он. Он старался воскресить и навсегда сохранить в сокровищнице памяти все драгоценные подробности своего

российского бытия, и, судя по всему, это ему удалось. В Кембридже Набоков всерьез занялся изучением русской литературы. Как-то раз на букинистическом лотке ему попался четырехтомный «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» В. И. Даля, ставший впоследствии его верным и любимым спутником на долгие годы. Продолжилось и его поэтическое творчество, и, естественно, основной темой стихов стало «одно из самых чистых чувств – тоска изгоя по земле, в которой он родился».

В начале 1921 года Набоков опубликовал свою первую статью о бабочках «Несколько замечаний о крымских чешуекрылых» (на английском), написанную в России. А 7 января произошло еще более важное событие в жизни начинающего писателя. Ранее стихи Набокова уже печатались в различных эмигрантских газетах, но в этот день был опубликован его первый рассказ – «Нежить». Он появился в газете «Руль», одним из учредителей и редакторов Владимир Дмитриевич Набоков. Автор подписал рассказ псевдонимом Владимир Сирин, чтобы читатели «Руля» не спутали его с отцом, публиковавшим в газете свои статьи.

В 1922 году Набоков переезжает в Берлин; зарабатывает на жизнь уроками английского языка. В берлинских газетах и издательствах, организованных русскими эмигрантами, печатаются рассказы Набокова. В 1922 году заключает помолвку со Светланой Зиверт; помолвка была расторгнута семьей невесты в начале 1923 года, поскольку Набоков не смог найти постоянную работу.

Но судьба в конце концов смилостивилась к Набокову: на костюмированном балу он познакомился с Верой Слоним. Эта встреча стала, пожалуй, самой важной в его жизни, ибо Вере Евсеевне было суждено стать его женой, матерью его сына, его музой, первым читателем, секретарем, адресатом посвящений почти всех книг, вторым «Я» Набокова. Русская литература знает мало таких счастливых писательских браков. Их семейная жизнь (они поженились 15 апреля 1925 года) отличалась редкостной безоблачностью и идеальностью, и можно уверенно утверждать, что это одна из важных причин творческого успеха Набокова.

В это время Набоков начал систематически зарабатывать на жизнь уроками английского и французского языков, тенниса, бокса и даже стихосложения. Разумеется, солидных денег эти занятия не приносили, но гонорары за стихи и рассказы были еще меньше. После знакомства с Верой набоковское творчество удивительным образом поднялось на качественно новый, более высокий уровень. Задуманный роман, который должен был называться «Счастье» и несколько фрагментов которого стали рассказами, постепенно перерос в новый замысел. В октябре 1925 года он воплотился в роман «Машенька», после чего

до 1937 года создаёт восемь романов на русском языке, непрерывно усложняя свой авторский стиль и все более смело экспериментируя с формой.

Весной 1934 в семье Набоковых произошло радостное событие: 10 мая у них родился сын, которого назвали в честь прадеда Дмитрием.

Романы Набокова, не печатавшиеся в Советской России, имели успех у западной эмиграции, и ныне считаются шедеврами русской литературы.

В 1936 году Вера Евсеевна Набокова была уволена с работы в результате усиления антисемитской кампании в стране. В 1937-ом Набоковы уезжают во Францию и поселяются в Париже, проводя также много времени в Канне, Ментоне и других городах.

В конце 30-х годов русская эмиграция переживала кризис, ее культурная жизнь затухала, теряла значение перед назревающей войной. Набокову необходимо было что-то менять в своей жизни. Выход подсказала работа над переводом своего нового романа «Отчаяние» для английского издания. Работа была трудной: «Ужасная вещь – переводить самого себя, перебирая собственные внутренности и примеривая их, как перчатку», – писал он в одном из писем того времени. Закончив перевод, Набоков решил попробовать написать роман сразу на английском, и в январе 1939 года был завершён его первый англоязычный роман «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» («The real life of Sebastian Knight»).

Начавшаяся война вынудила Набоковых покинуть Францию ради спасения жизни, ибо опасность печей нацистских крематориев была более чем реальной (родной брат Набокова Сергей остался и погиб в немецком концлагере). С большим трудом при помощи друзей выхлопотав французскую выездную и американскую въездную визы, в мае 1940 года на отплывавшем из Сен-Назера пароходе «Шамплен» (в следующем рейсе потопленном немецкой подлодкой) Набоков с женой и маленьким сыном покинул Европу, отправляясь навстречу неизвестности Нового Света.

Первое время они жили у друзей в Нью-Йорке. Набоков сотрудничал в эмигрантских периодических изданиях, подыскивал работу преподавателя в колледже и обзаводился новыми знакомыми. 8 октября он познакомился с известным американским критиком и романистом Эдмундом Уилсоном, дружба с которым растянулась на много лет, но закончилась разрывом из-за политических и литературных разногласий. Рекомендации Уилсона помогли Набокову, и после нескольких пробных лекций в разных университетах он был приглашен в Уэлслейский колледж преподавать литературу и русский язык.

Преподавательская деятельность Набокова растянулась на восемнадцать лет. До сентября 1948 года он преподавал в Уэлсли, но, поскольку так и не смог получить там постоянное место (каждый раз с ним заключали годовой

контракт), он вместе с семьей переехал из Кембриджа (Массачусетс) в Итаку (штат Нью-Йорк) и стал преподавателем Корнельского университета.

Роман «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» был опубликован в Америке в 1941 году, через 2 года после написания.

Переход на другой язык был тяжел и драматичен для Набокова, о чем он не раз говорил. Язык и воспоминания – это все, что оставалось у него от родины. Поэтому отказ от русского языка, «от индивидуального, кровного наречия», воспринимался как отречение от родины.

Адаптация к новой языковой, социальной и культурной среде обусловила затянувшуюся паузу в набоковском художественном творчестве. Только в 1947 году вышел в свет его новый роман «Под знаком незаконнорожденных» (другой перевод – «Зловещий уклон», в оригинале - «Bend Sinister»).

Кроме преподавания литературы, он продолжал изучать бабочек, сотрудничал в энтомологическом отделе Нью-йоркского Музея естественной истории, затем «"в лабораторном раю Гарвардского музея сравнительной зоологии» и испортил себе зрение работой с микроскопом. Но этот труд приносил Набокову огромное удовольствие. Во время отпусков он вместе с семьей отправлялся в путешествие по Америке на охоту за бабочками.

Путешествуя во время отпусков по Соединённым Штатам, Набоков работает над самым «главным» в его жизни романом – «Лолита», тема которого (история взрослого мужчины, страстно увлекшегося двенадцатилетней девочкой) была немислимой для своего времени, вследствие чего на публикацию у писателя оставалось мало надежд.

Тому, что «Лолита» вышла в свет, читатели должны благодарить жену писателя. Она в буквальном смысле слова спасла «Лолиту» из огня, когда Набоков, изнуренный трудом над рукописью и сомнениями по поводу того, как поймут это произведение, бросил ее в камин. Свидетелем этого происшествия стал один из учеников, видевший, как Вера Евсеевна появилась на пороге дома и размахивала горящей рукописью, пытаясь сбить с нее огонь.

6 декабря 1953 году «Лолита» была закончена. Вопреки сомнениям Набокова, роман был опубликован (сначала в Европе, затем в Америке) и быстро принёс его автору мировую славу и финансовое благосостояние.

Набоков считал этот роман лучшим своим произведением: в нем рассказывается виртуозным, изысканным слогом о бесплодных попытках удержать ускользающую красоту, о превращении похоти в любовь, о конфликте искусства и пошлости.

Впервые «Лолита» была опубликована в парижском издательстве с сомнительной репутацией «Олимпия Пресс». Среди литературных критиков вспыхнул серьезнейший спор о том, что такое «Лолита» – произведение

искусства или порнография? Тираж на некоторое время был арестован. «Лолита» стала объектом судебного разбирательства, разделив судьбу таких шедевров, как «Мадам Бовари» и «Улисс». В обществе разгорелась дискуссия о критериях искусства, о границах свободы слова. В итоге арест был снят, и роман был издан в США в 1958 году. Скандал принес Набокову известность и невиданный коммерческий успех: по раскупаемости «Лолита» побила рекорд «Унесенных ветром». Только права на экранизацию были оценены в 150 000 долларов (кинопреьера «Лолиты» состоялась в 1962 году, режиссером был Стэнли Кубрик, а сценаристом сам автор романа). Все материальные проблемы Набокова были решены, и он отказался от интересной, но физически утомительной преподавательской работы: 19 января 1959 года он прочитал свою последнюю лекцию в Корнеле.

В сентябре 1959 года Набоковы отправились в Европу. Они посетили Париж, Лондон (Набоков прочел лекцию в Кембридже), Женеву, Милан (там обучался оперному пению сын писателя), Рим, Сицилию. Некоторое время они прожили в Ментоне, затем вернулись в Америку (для работы над сценарием «Лолиты», от которого Кубрик в итоге мало что оставил). В 1962-ом Набоковы вновь отплыли из Соединенных Штатов и 15 сентября поселились в швейцарском городке Монтре на берегу Женевского озера в старомодном отеле «Палас». Номер «64» стал домом Набокова на последние пятнадцать лет жизни.

Здесь он создаёт свои последние романы и активно занимается переводами русских классиков на английский.

В 1964 году вышел в свет перевод на английский язык «Евгения Онегина». Из четырех томов издания сам перевод составил только первый том, а остальные три содержали построчный комментарий пушкинского романа. Набоков выполнил перевод в своей обычной манере, то есть так, как еще никто никогда не делал. Он провозгласил концепцию буквалистского перевода: «Буквальный перевод: передача точного контекстуального значения оригинала, столь близко, сколь это позволяют сделать ассоциативные и синтаксические возможности другого языка. Только такой перевод можно считать истинным». Поэтому роман в стихах был переведен прозой, ради сохранения смысловой точности пришлось пожертвовать строфой, рифмой и отчасти ритмом.

Стоит упомянуть, что им же были переведены на английский «Слово о полку Игореве», стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, «Моцарт и Сальери» (в соавторстве с Уилсоном), «Герой нашего времени» (в соавторстве с сыном). Кстати, Дмитрий стал любимым переводчиком отца. Постепенно все русские романы Набокова были переведены на английский, и четыре из них – в результате сотрудничества отца и сына. Единственным зеркальным примером

стал перевод «Лолиты» на русский язык ее автором. «Вопрос – для кого, собственно, “Лолита” переводится, – писал Набоков, – относится к области метафизики и юмора. Мне трудно представить себе режим, либеральный или тоталитарный, в чопорной моей отчизне, при котором цензура пропустила бы “Лолиту”... Издавая “Лолиту” по-русски, я преследовал очень простую цель: хочу, чтобы моя лучшая английская книга – или, скажем скромнее, одна из лучших моих английских книг – была правильно переведена на мой родной язык».

Следующей звездой творчества Набокова стал роман «Ада, или Страсть» («Ada, or Ardor»), опубликованный в 1969 году. Это произведение представляет собой радугу стилистических эффектов, соединяет безграничную фантазию и глубочайшую эрудицию автора, содержит бесконечное количество мультиязычных выразительных приемов. Несомненно, это вершина позднего набоковского творчества.

В 1974-ом вышел в свет роман «Смотри на Арлекинов!» («Look at the Harlequins!»), которому суждено было стать последним законченным романом Набокова. В нем писатель, словно глядя в искривленное зеркало, создает пародию на собственную жизнь. Герой романа – русский писатель-эмигрант Вадим Вадимович пишет русские стихи и романы, потом переезжает в Америку и переходит на английский язык, преподает в колледже. Но есть в его судьбе и существенные отличия от набоковской: например, он был много раз женат, а также осуществил заветную мечту своего создателя – посетил инкогнито советскую Россию. Набоков в этом романе иронически оглядывает свой пройденный жизненный путь и создает его подобие с некоторым налетом карикатурности. Писатель будто подвел итог собственной жизни.

В июле 1975 года Набоков охотился на бабочек в горах около Давоса, поскользнулся на крутом склоне и неудачно упал. Пролежав некоторое время в больнице, он вроде бы поправился, но через некоторое время вновь был госпитализирован. Набокову была сделана операция, которая вызвала осложнение, здоровье его стало ухудшаться, и 2 июля 1977 года он скончался в госпитале Лозанны, оставив незаконченный роман «Оригинал Лауры» («The Original of Laura»), который завещал уничтожить. Похоронен Набоков в Клэрэнсе близ Монтре в Швейцарии. На скромной плите написано: «Vladimir Nabokov. Ecrivain. 1899 – 1977». Для надгробной надписи избран французский язык, может быть, для того, чтобы не отдать предпочтение ни одному из двух великих языков, на которых писал свои удивительные книги этот человек.

Сын писателя Дмитрий Набоков уже в 2000-ых решился нарушить запрет отца на публикацию «Оригинала Лауры». В ноябре 2009 года незавершенный

роман вышел на английском языке. Издательство «Азбука» в этом же году выпустило его русский перевод.

Рекомендованная литература:

1. **Набоков, В. В.** Собрание сочинений : в 4 т. / В. В. Набоков. - Москва : Правда, 1990.
Т. 1. - 1990. - 416 с.
Т. 2. - 1990. - 447 с.
Т. 3. - 1990. - 479 с.
Т. 4. - 1990. - 479 с.
2. **Набоков, В. В.** Избранные произведения : в 3-х томах / В. В. Набоков. - Москва : Литература : Мир книги, 2004.
Т. 1 : Защита Лужина ; Камера обскура ; Приглашение на казнь. - 2004. - 463 с. - (Золотая серия).
Т. 2 : Дар ; Весна в Фиальте ; Пушкин, или правда и правдоподобие. - 2004. - 527 с. - (Золотая серия).
Т. 3 : Лолита ; Стихотворения ; Событие. - 2004. - 527 с. - (Золотая серия).
3. **Набоков, В. В.** Избранные произведения / В. В. Набоков ; худ. Е. Ененко, А. Яковлев. - Москва : Эксмо, 2005. - 543 с.
4. **Набоков, В. В.** Дар : роман / В. В. Набоков ; худ. Е. Ененко, А. Яковлев. - Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. - 416 с.
5. **Набоков, В. В.** Другие берега : сборник / В. В. Набоков. - Москва : Книжная палата, 1989. - 288 с. - (Популярная библиотека).
6. **Набоков, В. В.** Защита Лужина. Рассказы / В. В. Набоков. - Москва : Детская литература, 2003. - 333 с. : ил. - (Школьная библиотека).
7. **Набоков, В. В.** Избранное / В. В. Набоков. - Москва : Аст: Олимп, 2001. - 639 с. - (Школа классики. - Книга для ученика и учителя).
8. **Набоков, В. В.** Истинная жизнь Себастьяна Найта : пер. с англ. / В. В. Набоков ; худож. В. Норазян. - Харьков : Фолио : АСТ, 1998. - 462 с. - (Вершины).
9. **Набоков, В. В.** Комментарий к роману А. С. Пушкина "Евгений Онегин" : пер. с англ. / В. В. Набоков. - Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1999. - 928 с.

10. **Набоков, В. В.** Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков. - Санкт-Петербург : Азбука ; Санкт-Петербург : Азбука-аттикус, 2011. – 344 с.
11. **Набоков, В. В.** Лолита : роман / В. В. Набоков ; пер. с англ. автора. - Санкт-Петербург : Азбука, 2011. - 478 с.
12. **Набоков, В. В.** Машенька : [роман] / В. В. Набоков. - Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2009. – 188 с.
13. **Набоков, В. В.** Рассказы. Воспоминания / В. В. Набоков. - Москва : Современник, 1991. - 652 с.
14. **Набоков, В. В.** Совершенство: повесть, рассказы / В. В. Набоков. - Санкт-Петербург : Азбука, 2011. - 218 с.
15. **Набоков, В. В.** Трагедия господина Морна ; Лекции о драме / В. В. Набоков. - Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. - 643 с.
16. **В. В. Набоков: pro et contra** : личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / сост. : Б. Аверин, М. Маликова, А. Долинина. - Санкт-Петербург : РХГИ, 1999. - 976 с. - (Русский путь).
17. **Классик без ретуши** : литературный мир о творчестве В. Набокова / ред. : Н. Г. Мельников. - Москва : Новое литературное обозрение, 2000. - 688 с. - (Научная библиотека. - Новое литературное обозрение. Научное приложение ; вып. XX).
18. **Фомин, О. В.** Метафизика заключения: Записки из Мертвого дома / Приглашение на казнь / О. В. Фомин // Сакральная триада: алхимия, мифология и конспирология / О. В. Фомин. - Москва : Вече, 2005. – С. 358-369.

Контакты

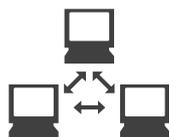
государственное казённое учреждение
культуры Свердловской области
«Свердловская областная
межнациональная библиотека»



620146, г. Екатеринбург,
ул. Академика Бардина, 28



Тел.: (343) 240-44-23, 240-26-52
Факс: (343) 243-17-00



E-mail: somb@somb.ru
[http:// www.somb.ru](http://www.somb.ru)